

ЛАНА КАМИНСКАЯ

Сердце
ДРАКОНА
КНИГА I

Лана Каминская

Сердце дракона. Книга 1

«Литнет»

2022

Каминская Л.

Сердце дракона. Книга 1 / Л. Каминская — «Литнет», 2022

Со стороны кажется, что у хозяина юга, Гайларда Стернса, есть всё: земли, армия, титул, громкое имя и заманчивое будущее. Вот только это кажется со стороны. А что делать, если внутри всё давно умерло и ночи стали кошмарами? Можно превратиться в равнодушного агрессора, можно влюбиться, можно даже бросить вызов древним пророчествам. Но что, если твоим соперником будет дракон? Непростой дракон...

© Каминская Л., 2022

© Литнет, 2022

Содержание

Пролог	5
Глава 1. Обещание	7
Глава 2. Ночной совет	13
Глава 3. Тараканьи бега	21
Глава 4. Навоз и стрелы	29
Глава 5. Старая склянка	34
Глава 6. Дом	41
Глава 7. Перерождение	50
Глава 8. Неспящие	56
Глава 9. Лес	67
Конец ознакомительного фрагмента.	68

Пролог

Черно-фиолетовые тучи полностью заволокли небо. Начал накрапывать дождь. Мелкий, колкий, он остро жалил и леденил кровь. К нему присоединился ветер, такой же холодный и мерзкий. Он даже не дул толком, а жалобно скулил, просовываясь сквозь щели в стене узкой, плохо протопленной комнаты. Потолок в ней был настолько низок, что, казалось, вот-вот рухнет и придавит. В дальнем углу одиноко горела свеча, а на стене напротив плясали две огромные тени, вершившие правосудие: одна – сгорбленная и косматая, опирающаяся на причудливо изогнутый посох с набалдашником в виде птичьей головы; другая – костлявая, с крючковатым носом и длинными кривыми костяшками-пальцами.

– Луна скоро исчезнет в своём свете. Надо торопиться. – Даже не голос, а замогильный хрип пронёсся из одного угла комнаты в другой, на секунду заставив дождь стучать по крышам слабее, а ветер скулить тише.

– Первая луна утонет навеки, вторая останется и будет править миром. – Другой голос своим благозвучием был не краше первого.

– Вторая луна растворится в свете первой, а первая взойдёт на небосвод, – ответили раздраженно.

– Пророчество читал я в свете лун и говорю, что первой не видать света солнца, вторая же будет сверкать ярче великого диска.

– Вторая принесёт лишь разрушения. На небосводе нет места двум лунам. Вторая должна исчезнуть навсегда.

Сгорбленная и косматая тень просеменила мелкими шажками из одного угла комнаты в другой, коснулась набалдашником свечи, и та вмиг загорелась желто-оранжевым огнём.

– Время течёт быстро. Луна уже коснулась своего близнеца. У нас осталось не более часа, – промолвила костлявая тень, наблюдая, как играет маленькое, не греющее пламя.

– Король дал согласие?

Крючковатый нос кивнул в ответ.

Сгорбленная тень беспокойно заметалась из стороны в сторону. Так сильно и беспорядочно, что горб увеличился в размерах и раздулся почти до потолка.

– Боги не простят нам ошибку.

– Время поджигает. Луна почти растворилась. Нам нужно сделать выбор.

Горб на спине тени вдруг принял форму головы, и та согласно кивнула. Руки тени раскинулись в стороны, превращаясь в рваные чёрные крылья, несколько раз взмахнули и устремили своего хозяина в раскрытое окно навстречу ночной мгле.

Из-за тяжелой, переполненной скорбью тучи показалась бледная луна. Она смотрелась одинокой из-за своей белизны, но одной она не была. Прямо за ней, озаряя небо ярким светом, подобно солнечному, сверкала вторая. Сводя с ума янтарными всплесками, она старалась заглянуть в глаза каждому ночному прохожему, волей случая или же по собственной воле оказавшемуся вне дома, пыталась проникнуть сквозь густые заросли леса, в звериные норы и муравейники и даже море раздосадовала так, что оно шумело и бурлило, взрываясь могучими волнами, разбивавшимися о скалы, а луна пользовалась случаем и заглядывала в морскую пучину.

Но пришло и её время, и последняя оранжево-желтая вспышка утонула в бледной тени старшего близнеца. Ветер стих, древесная листва перестала волнительно шуметь, а море успокоилось и, измотанное, тоскливо зашелестело галькой у берега.

Две темные тени разошлись. Одна в одну сторону, другая – в другую. Но сгорбленная и косматая, по пути долго спотыкаясь о камни и падая в ямы, внезапно остановилась и задумчиво пробормотала:

– Богам плевать на наши ошибки. Они просто сделают так, как и задумывали изначально.

Глава 1. Обещание

Затевающие войну сами попадают в свои сети.

(Иоанн Дамаскин)

25 лет спустя

Торренхолл, южная провинция Нолфорта

Последний луч солнца на мгновение прорвался сквозь задернутые портьеры и скользнул по одной из старых, местами покрытых пылью, картин. Морщинистый старик, смотревший с древнего полотна, выглядел уставшим и опечаленным. Возможно, приглашённый художник взмахнул кистью не в самый славный период жизни старого лорда. Или же увиденное сквозь века поразило прежнего хозяина замка до глубокой грусти и продолжало печалить по сей день. Бархатный свет заката ещё раз пробежал по морщинкам в уголках глаз некогда важного мужа и погас, уступив место сварливому треску свечей.

Где-то вдалеке пропела птица, провозжая песню разморенное солнце. Пропела громко и тоскливо, будто прощалась с ним навсегда. А ответом ей были неторопливый стрекот ночных кузнечиков и кваканье лягушек в пруду.

В скудно освещённой комнате было тепло и тихо и пахло растертыми в ступе лимонником и аралией. Вместе, они беспощадно перебивали ароматы чайной розы и грушевых деревьев, струившиеся через раскрытую оконную створку из старого ухоженного сада и будоражившие любое голодное воображение. Но томной пряной страсти не было отведено места среди сонной тишины, царившей в четырех стенах. Не было здесь места и живому смеху, и веселому шуму – лишь вечная, отдающая запахами лекарственных трав, дремота, граничащая со смертью, с которой никто не стремился бороться.

Недалеко от окна, согнувшись над небольшим изящным столом с резными ножками, топтался старик и время от времени приглушённо кашлял. Его крючковатый нос нырял то в одну склянку, то в другую, что были расставлены на столе и содержали малоизвестные и редкие травы. Трясущаяся правая рука лишь с третьей попытки смогла ухватить пинцет и лишь с пятой – желто-оранжевый цветок, чтобы затем аккуратно опустить его в колбу с бурлящей зеленовато-коричневой смесью.

Поколдовав над снадобьем, старик осторожно перелил горячую жидкость в серебряный кубок, слегка подул и с кубком в руке зашаркал в сторону широкой кровати, стоявшей у стены напротив. Там, среди вороха одеял и подушек, лежал пожилой мужчина с бледным лицом и почти бескровными губами. Впалые глаза беспечно смотрели сквозь узкие щелки, изредка подрагивая от раздражающего света редких свечей. Худые костлявые руки лежали поверх одеяла и не шевелились. Всем своим видом мужчина походил на мертвеца, нежели на больного, и даже несведущему было понятно, что жить ему осталось недолго.

– Выпейте, лорд Стернс, – голос старика напоминал карканье ворона. – Это придаст вам сил и подарит ещё пару дней.

Старик поднес кубок с отваром к губам лежащего на кровати хозяина и терпеливо ждал, когда тот сделает глоток.

– Зачем ты так печёшься обо мне, Дагорм? – с трудом находя в себе силы, выдавил Стернс. – Позволь мне поскорее умереть. Мой век давно окончен, стоило ли жить?

– Оставьте богам право распоряжаться вашей жизнью, милорд, — ответил лекарь, пододвигая к себе обитое зелёным бархатом кресло. – Ваше время ещё не пришло.

Со стороны кровати раздались сдавленные смешки.

– Где были твои боги, Дагорм, когда умирали мои жена и сын? Почему они забрали их и оставили меня одного? Что толку мне жить, а им лежать в сырой земле?

– Вы не остались одни, милорд. Ваш сын...

– Гайлард... Где он?

– За ним послали сразу, как только вы пришли в себя.

– Вот и славно. – Лорд Стернс закрыл глаза и тяжело задышал.

В комнате вновь повисла мертвая тишина, и даже лягушки, ранее квакавшие под окном в пруду, замолкли, словно замерли в предчувствии чего-то нехорошего и страшного.

Сонный полумрак отяготил и веки Дагорма. Но стоило тому лишь на миг прикорнуть в мягком кресле, как еле слышный шёпот заставил старика вздрогнуть, приосаниться и внимательно слушать, готовясь отвечать.

– Какими вестями огорчишь на этот раз? Видеть тебя всегда было дурной приметой.

– В последние месяцы вести только радостные, – без какого-либо намека на обиду в голосе сообщил старик. – Ваш старший брат, король Риккард, в добром здравии и по-прежнему успешно правит Нолфортом.

– Он вспоминает обо мне?

– При каждом визите в Торренхолл интересуется вашим самочувствием.

– Хитёр лис. – Едва заметная усмешка стоила больному лорду недюжинных сил, но видно было, что иначе он реагировать не мог. – Ждёт не дожётся моей смерти и вида не подает. А что Гай?

– Вашим сыном и своим племянником король гордится. За этот год Гайлард подарил ему не только несколько мешков с золотом, но и новые земли.

– О каких землях ты бормочешь, старый плут?

При этих словах лицо Дагорма посветлело: умирающий хозяин изволил шутить, как в старые добрые времена. Значит, с лечебными травами было угадано верно.

– Прошлым летом в состав наших владений вошли западные болота. Их тамошний хозяин не только согласился признать в Риккарде своего короля, но и от статуса лорда-вассала отказался. Взял и одним росчерком пера отписал всё вашему сыну. За собой оставил лишь родовое поместье да опушку, чтоб было, где кур разводить.

– Что болота, – поморщился Стернс, – проку от них никакого – один вереск, кислая ягода и комары.

– То была лёгкая победа, без капли пролитой крови. Никто против не был: ни ваш сын, ни болотный лорд, ни тем более наш король. Но Гайлард на болотах не остановился и пошёл дальше, на запад, на королевство Ллевингор. Маленькое, всего на несколько десятков деревень, оно оказалось богато на золото. Ваш сын воспользовался военной слабостью их короля Итора и показал себя успешным завоевателем.

– С ним был Ферран? – прервал старика лорд Стернс и, получив утвердительный ответ, облегченно выдохнул. – Тогда я спокоен. И что же Ллевингор? Уже в составе Нолфорта?

– Ещё нет, милорд, но это дело времени.

– Откуда такая уверенность? Гай в качестве залога вывез из Ллевингора всё золото до последней монеты? Может, и медяки забрал?

– Больше, ваша светлость. – Дагорм выдержал пафосную паузу и с гордостью добавил: – Ваш сын пожелал себе принцессу Мириан, сестру Итора. И я полностью одобряю его выбор.

Ошеломленный услышанным, лорд Стернс закашлял и затряс руками, призывая на помощь. Дагорм, несмотря на глубокую старость, резво вскочил с кресла, схватил кубок с ещё теплым отваром и поднес его к губам господина. Когда целебные капли снадобья согрели горло и придали ритма слабому сердцу, Стернс перевел дыхание и задумался. Его изношенный мозг, подпитываемый лишь силами трав, усиленно пытался осмыслить сказанное верным советни-

ком. Не будучи уверенным, насколько сделанные выводы правильны, Стернс решил промолчать и лишь повторил свой недавний вопрос:

– Где Гай?

Дагорм растерялся. Он ожидал увидеть радость на лице больного хозяина, но обнаружил только волнение. От ответа невольно спас безобразный грохот распахнувшихся дверей.

В комнату ворвался высокий мужчина, на вид около тридцати лет, и Дагорм тут же засуетился и неуклюже зашумел одеждами в приветственном поклоне. Но на его приветствие внимания никто не обратил, а следом за стремительным вторжением в спальню старого лорда последовал вопрос, такой же резкий и грубый, как и само вторжение.

– Как отец?

– Он наконец-то пришел в себя, милорд, – зашевелил тоненькими ссохшимися губами старик. – Я дал ему сердечного снадобья – оно хорошо разогнало кровь и придало сил говорить. Смотрите сами.

Дагорм отступил в сторону, пропуская молодого господина к кровати.

Горячая ладонь сына накрыла холодные, бледно-синего цвета, пальцы отца. И не пальцы вовсе, а обтянутые тонкой кожей кости, безжизненные и хрупкие, некогда крепко державшие поводья и первенца-малыша, а сейчас готовившиеся превратиться в прах и стать едой могильным червям.

– Дагорм мне всё рассказал, – старый лорд с трудом разомкнул губы. – Ты скоро женишься, и это хорошо.

– Я присоединяю к Нолфорту новые земли, отец, и пополняю нашу казну, – перебил Гай, отмахиваясь от слов о своем семейном будущем, как от назойливой мухи. – Военная кампания против Ллевингора закончена, но Ферран ещё держит на рубеже своих самых лучших воинов, и они не уйдут оттуда, пока я не распоряджусь.

Сзади раздался приглушенный кашель.

– Если позволите, милорд...

Гай обернулся и раздраженно кинул:

– Что такое, Дагорм?

– Простите, что прерываю вашу беседу с отцом, но вчерашним днём я получил письмо от Майринда, лекаря короля Итора из Ллевингора. Что скрывать, мы с Майриндом старые приятели и любим повздыхать о прошлом и даже посплетничать, словно кухарки за чисткой картошки. Так о чём я... Ах, да. В своем письме Майринд любезно сообщает мне, что... Впрочем, позвольте я зачитаю.

Дагорм начал рыться в потертых серых одеждах, бормоча под нос едва различимые слова. Наконец он вытащил приличной толщины свиток и развернул его.

– Нашел. Позвольте зачитать, – повторил старик, откашлялся, нацепил пенсне и, подвинув к себе свечу, медленно и нерасторопно начал: – «Приветствую тебя, мой верный друг, и искренне надеюсь, что сие послание найдет тебя в добром здравии и славном расположении духа. Пользуясь случаем, свидетельствую своё почтение лорду Стернсу, нареченному Гайлардом, из рода Стернсов и...»

– Опустим расшаркивания, – грубо прервал старика Гайлард. – Свою родословную я и так знаю. Мне слышалось, или в письме Майринда действительно содержатся важные вести?

– Лишь размышления об увиденном, милорд, – учтивым тоном заметил Дагорм. – Но, смею заметить, эти выводы недалеки от правды.

Гай кивнул.

– Продолжай. Только без пустых подробностей.

– Так. Где же это? – Дагорм прокрутил свиток в поисках нужных строк. – «И хотя несложно было заметить, как сдержанно и холодно смотрелся на переговорах король Итор, после отъезда послов лорда Стернса его ликование не было конца. Маска равнодушия спала,

и всем своим видом король давал понять, что нет предела его счастью от заключенной сделки. Сестра Итора, принцесса Мириан, с присущим ей смирением приняла решение своего короля и не произнесла ни слова неповиновения. Напротив, она выразила надежду, что заключенный между королевствами союз будет долгим и прочным, и таким же окажется её брак с наследником престола Нолфорта». То есть с вами, милорд, – от себя вставил Дагорм.

– Значит, напыщенность Итора – всего лишь игра? – усмехнулся молодой Стернс.

– Тут есть и про это. Позвольте, я продолжу. Вот.

Дагорм прокрутил свиток и продолжил читать:

– «Вне сомнения, война, начатая лордом Стернсом, вывернула наружу все слабые места Итора, как правителя. Народ Ллевингора разочарован и морально истощен. Новость о том, что войне настал конец, вернула жизнь на опустевшие улицы. Мы опять стали слышать детский смех, а из окон уже доносится запах сладких пирогов». Простите, – стушевался старик, уловив на себе недовольный буравящий взгляд господина. – Тут дальше всё о пирогах, о пирогах... Это я опушу. Вот. Отсюда. «Повсюду слышны радостные песни, а в тавернах поднимают кружки с пивом за здоровье лорда Гайларда, ставшего поначалу нашим кошмаром, а впоследствии оказавшимся нашей единственной надеждой на спасение».

Дагорм свернул свиток, снял пенсне и убрал всё в бездонный карман свисающих одежд.

– Как видите, милорд, покоренный вами западный народ очарован вашей милостью и совсем не намерен продолжать кровопролитие. Их король слаб, а подданные нуждаются в покое и горячем хлебе. Обученные грамоте мужи уже засели за составление нужных бумаг, её высочество скоро прибудет в Торренхолл, и никто не оспаривает достигнутых договоренностей. А значит, нет нужды держать много войск на западном направлении. Пусть воины возвращаются домой с трофеями и готовятся к грандиозному празднованию.

– Благодарю, – равнодушно ответил Гайлард, – но я уже отдал приказ Феррану продолжать держать пять отрядов на границе.

– Но, милорд, – попробовал вставить обескураженный Дагорм, однако тут же умолк и покорно склонил голову.

– Я начал эту войну. Я её и закончу, – отрезал Гай. – Король Риккард благословил и одобрил мои намерения. Мы стали хозяевами золотого рудника и основательно пополнили нашу казну. Нолфорт вскоре заполучит ещё одного лорда-вассала. Мы приобретаем слишком много, чтобы в одночасье упустить, если вдруг потеряем бдительность.

– Но все договоренности уже достигнуты. Итор готов присягнуть на верность нашему королю, как и вы – готовы в ответ жениться на его сестре. Вы выбрали путь созидания, а могли бы всё разрушить. И ваш брак с принцессой Мириан – превосходное подтверждение вашего мирного настроя и полного доброты сердца.

– Мой брак с принцессой Мириан – лишь ключ к нужной двери.

В голосе Гайларда чувствовались нотки раздражения от затянувшегося спора с нудным стариком.

– Оставь нас, Дагорм, – еле слышно и совершенно неожиданно прошептал старый лорд Стернс.

Крючковатым носом огорченно кивнули, и спустя некоторое время за советником закрылись тяжелые двери, оставляя отца и сына наедине.

Лорд Стернс тяжело дышал. На лбу выступила испарина, а зрачки расширились. Чуть приподнявшись с помощью Гайларда, Стернс сделал ещё несколько глотков травяного отвара и, откинувшись на подушки, закрыл глаза. По измученному болезнью телу пошла сильная дрожь, но быстро затихла, подарив умирающему ещё немного жизни и шанс успеть сказать нечто важное напоследок.

– Гай, – тихо позвал отец сына, – я много сделал ошибок в жизни, Гай.

– Вам трудно говорить...

– Не перебивай. – Голос Стернса при всей слабости в этот момент звучал властно и жестко. – Я знаю, что совершил много ошибок. И ты это знаешь. Мне не следовало слушать брата и хранителей, не следовало вестись на их уговоры, а нужно было плюнуть им всем в лицо и продолжать жить, как считаю нужным лично я, а не пыльные, проеденные червями книги.

– У вас не было выбора, отец, – прошептал Гай, потупив взгляд.

– Выбор есть всегда, сын мой, и я хочу, чтобы ты об этом помнил. Возможно, и есть смысл в том, что случилось много лет назад. Может, всё, что произошло, позволит тебе избежать роковых ошибок в будущем. Сейчас же обещай мне одно: ты должен стать королём! Хитрому лису Риккарду осталось недолго: он стар, и сердце у него колет не меньше моего. Его дочерям не место на троне Нолфорта, даже если они заново выскочат замуж и наконец-то нарожают кучу сыновей.

– Я первый наследник престола, отец. Вы зря волнуетесь. Дядя Риккард любезен и внимателен, и после его смерти корона перейдёт именно мне.

– Ты недооцениваешь Риккарда, Гайлард. Держи с ним ухо остро, а лучше обзаведись парой глаз у него в замке. Он-то уж точно держит все десять у нас в Торренхолле. Так просто трон тебе он не отдаст.

– Трон Нолфорта будет моим, я обещаю.

– И ещё одно. – Новый приступ кашля сдавил горло лорда Стернса. – Поскорей женись. Обзаведись семьей, детьми и тихим размеренным будничным счастьем – тем, что отобрали у меня и чего мне всегда так не хватало. Семья даст тебе сил и поддержку в борьбе за трон, а ещё терпение, когда у твоих ног будет весь Нолфорт. И не позволяй никому вмешиваться в семейную жизнь, чем бы тебя ни запугивали, что бы ни обещали. Всегда вспоминай твоего слабого отца, его ошибку и делай по-своему.

Говорил Стернс прерывисто и с сильной одышкой. После нескольких месяцев молчания каждое слово давалось с трудом, а потому было особо ценно.

– Помоги-ка, – выдавил он, передохнув и пытаясь слабой рукой отодвинуть одеяло с груди. Пальцы с непривычки не слушались, сбивались, но были настойчивы. Нырнув под тонкую ткань нательной туники, они не с первого раза, но выудили золоченый медальон на цепочке и протянули его сыну.

– Открой, – попросил Стернс, а в полумертвом взгляде промелькнули теплые искорки.

Гайлард решительно щелкнул незамысловатым замком. Из самого сердца золотого овала на молодого Стернса смотрела крупная жемчужина, идеально гладкая. Даже в тусклом свете немногочисленных свечей она переливалась самыми невероятными цветами. И трудно было выделить какой-то один – каждый видел в жемчужине такие оттенки, на какие только была способна его личная безграничная фантазия.

– Я хотел подарить это твоей матери, – вздохнул лорд Стернс, глядя, как сын вертит в пальцах драгоценный камень, – но вернулся слишком поздно. Сиделка сказала, она ждала меня до последнего, но силы были на исходе.

– Такого жемчуга нет в наших морях, отец. Где вы его раздобыли?

Старый лорд зашёлся в сильном удушливом кашле, а когда отпустило, продолжил:

– Есть на картах одно место, моряки кличут его Вороньим островом. Расположен в аккурат между нашими землями и островами Берлау.

Гайлард кивнул. Он много лет изучал карты и знал это место. Старый остров. Настолько старый, что истинного названия никто не помнил. Невелик по размеру, недалёк от берегов Нолфорта и не примечателен ничем, кроме разве одной особенности – он до сих пор никому не принадлежал.

– Не помню уж, откуда мы плыли, но марсовый на мачте разглядел в трубу те земли. Клялся, что видел дым, словно от нескольких костров. Капитан Мортенер и я решили разузнать, в чём дело. Причалили мы быстро: и ветер был попутный, и водная гладь – ровная. Но,

оказавшись на берегу, так ничего и не нашли: ни самого дыма, ни следов костра, ни хоть какой живой души, даже вороньей. А когда собрались назад, то прямо у носа лодки сверкала она, эта самая жемчужина. Капитан Мортенер поднял её и отдал мне. Назад спешили на всех парусах, но так и не успели вовремя. Сейчас я думаю, не сверни мы тогда на остров, не застрянь на нём на несколько часов, я бы ещё успел обмолвиться парой слов с твоей матерью до её смерти. Но я не успел.

Глаза лорда Стернса покраснели и покрылись влажной пеленой. Гайлард промолчал. Он был слишком мал, когда умерла леди Стернс. Воспоминания о матери, совсем расплывчатые, сводились лишь к запаху её рук, нежных и ласковых.

– Эта жемчужина должна была украсить её платье, – выдохнул лорд Стернс, после того как волна эмоций откатилась от израненного сердца. – Пусть теперь она перейдёт к тебе и твоей будущей жене, пусть подчеркнёт красоту леди Мириан, пусть сияет в самом центре её свадебного наряда и подарит вам счастье.

– Это настоящее сокровище, – пробормотал Гайлард, принимая ослепительный камень и не сводя с него взгляда. – Интересно, а ещё такие там есть?

– Я не искал, – прохрипел лорд Стернс, – и уверен, что эта оказалась там случайно. Я разговаривал с ловцами жемчуга из Ланимора много месяцев спустя: каждый из них клялся, что воды на несколько сотен миль вперёд, включая и Вороний остров, пусты на ценные породы и дают только мелочь. Я даже отправил на остров лодку с пятью ныряльщиками – они вернулись с добычей не лучше обычной, голодные и уставшие. Больше об этой затее я не вспоминал и тебе не советую. Пустая трата сил и времени.

Лорд Стернс выпустил руку из горячих ладоней сына и закрыл глаза. Он тяжело и медленно дышал, а лоб и веки опять покрылись мелкими капельками пота. Протерев лоб отца небольшим куском ткани, смоченным в растворе ромашки, Гайлард крепко зажал в руке медальон с жемчужиной, тихо поднялся с краешка кровати и вышел из спальни. Его лицо было мрачным, а шаги решительными. Когда же и те стихли в длинном, тёмном, отделанном холодным камнем коридоре, лорд Стернс вдруг внезапно открыл глаза и пробормотал в пустоту:

– И обещай всегда держать при себе меч. Никогда не знаешь, кто окажется за спиной.

Глава 2. Ночной совет

Ключ повернулся в замке, и высокие дубовые двери знакомо скрипнули. В просторную, тёплых оттенков, библиотеку Гайлард зашёл не спеша, зажёл свечи, чей свет сразу вырвал из темноты уходящие в потолок шкафы с книгами, и со всего размаху упал в мягкое кресло.

Зажатый в руке медальон жёл с неистовой силой, будто только что был вынут из самого сердца большого костра. Щёлкнув застежкой, Гайлард открыл подаренную отцом вещицу и достал жемчужину. Повертел, разглядывая со всех сторон, и крепко сомкнул пальцы, спрятав дорогую вещь в кулак, как только из-за массивных дверей показалась лысая голова распорядителя.

– Вино, как вы просили, милорд, а уж из закусок всё, что в спешке смогли собрать повара.

Трое слуг быстро прошествовали к овальному столу, расположенному недалеко от камина, расставили блюда с ветчиной и маслинами, глиняные кувшины с тёмно-красным вином, которое тут же разлили по серебряным кубкам, украшенным надписями и витиеватыми узорами.

– Где остальные?

– Командир Стенден уже одевается. Нольвена тоже разбудили. Через минуту-две оба будут у вас. Веруш немного ворчал, но уже спешит.

– А Дагорм?

– Я передал, что вы срочно велели всем собраться в библиотеке. Он ответил, что придёт сразу, как только даст ещё одно лекарство вашему отцу.

Гай кивнул, откинулся на спинку кресла и уставился в высокий потолок, поддерживаемый пятью чернёными балками. Тяжелый взгляд, местами покрасневшие глаза говорили о бессонных ночах, которые, несмотря на славу победителя, мучили хозяина юга Нолфорта. В истории королевства, объединившего в себе шесть земель, Гайлард Стернс был самым молодым и могущественным лордом, обладавшим всеми возможными протекциями короны, получивший согласия на самые сумасбродные идеи, которые, к его счастью, всегда имели оглушительный успех.

Кресло лорда Торренхолла, южной провинции Нолфорта, досталось ему в возрасте двадцати семи лет: сразу же, как слёг старый лорд Стернс. С тех пор прошло уже почти три года.

Племянник короля, Гайлард с детства учился править. Его обучали этому повсеместно: за обедом, на прогулке, во время детских забав и лошадиных скачек. Его готовили управлять. Не только Торренхоллом, но и всем королевством. Гайлард был первым наследником короля Риккарда. Других претендентов по мужской линии на трон не было, а две дочери самого Риккарда Стернса в счёт не шли – приоритет наследования всегда был за мужчинами.

Новый хозяин Торренхолла был высок, статен и обладал тем редким складом характера, когда благородство и суровость столь красиво уживаются вместе. Ко всему этому прилагались глубокий низкий голос с легким оттенком хрипоты, густые темные волосы и глаза цвета неба. Неба пасмурного, когда яркость голубых оттенков приглушается спокойной, полной меланхолии серостью.

Советников вокруг Гайларда насчитывалось куда меньше, чем вокруг любого другого лорда: трухлявый старик Дагорм, которому было уж столько лет, сколько не живут, да казначей Веруш, немногословный альбинос с цепким взглядом и не менее цепкими до золотых монет пальцами. Веруш был родом с севера, а потому даже в самую невыносимую жару его кожа отдавала ледяным душу холодом. Ещё были Ферран Стенден, средних лет военачальник с

сединой на висках, и Гверн Нольвен, самый молодой участник совета, больше слушающий, чем говоривший, и совсем недавно в тот совет приглашённый.

Злые языки шептались в темных переулках о подозрительно быстром взлете карьеры Гверна. Явившийся из ниоткуда, он получил себе целый отряд лучников – опытных и ещё «зелёных», – из которых должен был сделать лучших стрелков, каких только знал мир.

Многие из отряда до сих пор недоумевали, почему их прежний наставник так быстро и, по их мнению, незаслуженно был отправлен в отставку, а его место занял «воробей», у которого и «молоко на губах не обсохло». Тем более что и в стрелковом деле тот «воробей» не блистал. Скорее, его самого подстрелили бы, вылетев он из гнезда навстречу охотнику. Но какие бы слухи ни рождались в подворотнях и за кружкой пива, хозяином южных земель по-прежнему оставался Гайлард Стернс, а командиром лучников – Гверн Нольвен.

Этой ночью все они, уставшие, заспанные и с помятыми лицами, предстали перед молодым лордом Торренхолла.

– Я не буду отнимать у вас много времени, – Гай нервничал, – но я собрал вас не просто так. Мне нужны ваши советы и поддержка.

– Что вы задумали, милорд? – Гверн первым задал вопрос.

Ещё не до конца проснувшийся, Нольвен потёр глаза рукой, ведь те продолжали предательски слипаться, и потянулся за вином, чтобы заставить мозг хоть как-то взбодриться.

– Расширить наши владения.

Хищная улыбка проступила на губах Стернса и пропала, уступив место сосредоточенности.

По залу прошелся волнительный шум. Четверо из пяти присутствующих явно не ожидали, что спонтанное собрание зайдет так далеко. Тем более что жаркая, дурманящая запахами тысячи цветов ночь совсем не располагала к началу новой военной кампании, пусть даже во благо королевства. Неловкая пауза оказалась кстати, чтобы поразмыслить над словами Стернса и попытаться разгадать его планы.

Ферран переглянулся с Дагормом, почти дремлющим в самом дальнем и тёмном углу комнаты. Во взгляде военачальника читался только один вопрос: север? Старик понял Феррана в ту же секунду и отрицательно покачал головой.

Восток и запад? Восточные степи уже давно привлекали вольных коневодов, и самые лучшие породы лошадей разводились именно там, а затем продавались в соседние королевства. Но что ещё может быть интересного в степях, кроме пастбищ и сена? Во взгляде своего молчаливого собеседника Стенден прочитал то же самое мнение.

На западе лишь куча болот. Из всего толкового был небольшой Ллевингор с золотой шахтой и несколькими деревнями. Теперь и шахты, и деревни под контролем лорда Стернса, а среди болот же делать было абсолютно нечего.

– Вино с южных провинций, – смакуя последний глоток, произнёс Гверн. – Даже юго-восток, я бы сказал. Чувствуется привкус морской соли.

– Вот именно туда ты и отправишься завтра поутру. – Гайлард поставил кубок на ручку кресла.

– Простите, милорд? – совсем невпопад переспросил Гверн.

– Ваша светлость хочет сказать, что планирует нанести удар по Берлау? – поспешил исправить ситуацию Ферран.

– Нет, – поморщился Стернс. – Вороний остров – вот моя цель. Никому не нужный и никому не принадлежащий Вороний остров.

– Но, милорд! – завопил из угла старик, глаза которого открылись сразу, едва хозяин озвучил неожиданное решение. Теперь вместо сна в них читались сильный страх и жуткое отчаяние. Страх – от неведомого предчувствия, а отчаяние – от грустного осознания того, что изменить решение господина вряд ли будет кому-то под силу.

– Вороний остров всегда был ничей. – Ферран выступил вперед, решив принять на себя удар в споре с Гайлардом. – Он был объявлен нейтральной территорией много веков назад, когда ещё не было коневодов с востока и снежных людей с севера, не говоря уже о Ллевингоре. Единственные существовавшие на то время земли – не земли даже, а поселения: Нолфорт, Берлау и Имил Даар – подписались под соглашением, и никто не оспаривал его с этих пор.

– Да-да, – поддакнул Стендену Дагорм. – Древние мудрецы увидели в книгах пророчеств незамедлительную смерть всякому, кто приблизится к острову и задумает завладеть его сокровищами.

– Жаль, что мудрецы не рассмотрели среди древних строк, что прибрежные воды острова просто кишат самым редким на свете жемчугом, – ни чуть не колеблясь, язвительно солгал Гайлард и, разомкнув пальцы, небрежно швырнул на стол крупную жемчужину, доставшуюся ему от отца.

– Ты хочешь спросить, Дагорм, откуда она у меня? – с иронией в голосе опередил Гай старого советника. – Мне передал её отец, который много лет назад высаживался на острове, и ничто не помешало ему отплыть обратно. Спустя некоторое время туда наведались и рыбаки из Ланимора, и они тоже, как ни странно, все вернулись домой. Никто не умер. Так, может, книги всё врут, и никакого проклятия нет?

Стернс выдержал паузу, наблюдая, с каким блеском в глазах советники рассматривают жемчуг, а затем подозвал к себе Гверна.

– Снаряди на остров две большие лодки. Возьми с десятков человек стрелков на случай, если там встретятся дикари или вольные охотники за добычей. И человек пять ныряльщиков из Ланимора.

Гверн кивнул. Он хорошо знал деревню, о которой говорил Гайлард. Расположенная на юге Нолфорта, она насчитывала несколько десятков человек, включая женщин и детей, и слава её искусных ловцов жемчуга ушла далеко за пределы королевства.

– Мне нужно, чтобы ты добрался до острова незаметно для всех, а особенно для проныр из Берлау. Исследуй там всё вдоль и поперек. Если в тех местах действительно есть, чем поживиться, то снарядим корабль и сделаем остров частью Нолфорта. Берлау и глазом не успеет моргнуть, как прямо у их границ вырастут наши знамёна.

– У нас на севере народ поговаривает, что королева Берлау – ведьма, – задумчиво вставил Веруш. – Наш Гверн, конечно, может притвориться мышью и пробраться незаметно на остров, но только незаметно для людских глаз. От ведьминских вряд ли укроешься.

– Очередная легенда? – взорвался Гайлард. – Сколько их ещё будет? Я и так сыт по горло теми байками, из-за которых лишился брата. Теперь ещё и ведьму терпеть?

– Ничто не возникает ниоткуда. Если есть слухи, значит, где-то есть и предмет слухов.

– Я не хочу ничего слышать о легендах, проклятиях, оборотнях, ведьмах и тому подобном, – отрезал Гай. – Последний раз чтение книги пророчеств обошлось моей семье слишком дорого. Гверн, выполняй поручение. Я даю тебе две недели и десять монет золотом – поощришь деревенщину за их работу.

– Слушаюсь, милорд, – Гверн поклонился.

Гайлард поднялся с кресла, и все его подданные тоже встали.

– Вы можете идти, – распорядился Стернс, а сам подошёл к окну, задернутому тяжелой, выполненной из золотистого бархата шторой. Миллионы нитей сплелись в сложный узор, украшающий портьеру. Тут были и райские птицы, и солнечные лучи, и пестрокрылые бабочки, порхающие с цветка на цветок. И все это великолепие богато спадало вниз и подхватывалось крупными кистями, местами украшенными бледно-желтым цитрином.

– Дагорм, – вдруг крикнул Гайлард вдогонку старику, – задержись!

Массивные двери закрылись за Верушем и остальными, и роскошная зала утонула в тишине, нарушаемой лишь шелестом листвы на внезапно усилившемся ветре. Где-то совсем рядом прогремел гром. Надвигалась гроза.

Дагорм устало вздохнул и опустил в кресло, в котором сидел ранее. Придворный этикет был вопиющим образом нарушен, но стоявший у окна Стернс не придавал этому никакого значения. Со стороны могло показаться, что сейчас состоится разговор отца с сыном, нежели вассала с лордом, но разговор всё не начинался. Гай отодвинул тяжелую штору и молча смотрел в окно. Опять прогремел гром. Крупные капли дождя застучали барабанной дробью по крышам и стенам замка.

– Ты не одобряешь моего плана, не так ли? – нарушил нависшую неприятной тучей тишину Гайлард. Скрестив за спиной руки, он предпочел смотреть в окно, а не в глаза Дагорму.

– Я слишком стар, чтобы обсуждать такие серьезные вещи, милорд, – вежливо уклонился от ответа старик. – Советы Феррана и Веруша принесут вам гораздо больше пользы, чем моё скромное мнение.

– Феррана я уже выслушал, – отрезал Стернс. – Я решил отправиться на остров, и я туда отправлюсь.

– Тогда чего вы ждете от меня, если уже всё решили?

– Сам не знаю, – Гай выдохнул, – но отец всегда высоко ставил твоё мнение. Ведь так?

– Я всего лишь истолковал старую легенду, если вы об этом.

– И отец сразу воспринял это, как ты выразился, толкование как сигнал к действию.

– В отличие от вас, – осторожно добавил Дагорм.

– Я предпочитаю оставаться при своем мнении, – продолжил Гайлард.

– Милорд сомневается в правильности своего похода и поэтому хочет найти ответ в древних преданиях?

Гайлард вернулся к столу и провёл пальцами по старому золотому канделябру.

– Эти вещи живут веками, – внезапно вымолвил он. – Они многое видели. Ошибки и взлёты. Они могли бы много рассказать, умей они произносить хоть пару звуков. Они могли бы рассказать и моим потомкам, насколько верен мой путь.

– Для этого не нужно быть подсвечником, мой господин, – мягко заметил Дагорм. – Достаточно быть книгой.

– Но ты так и не ответил, что говорят твои книги! – взвинтился Гай. – Я хочу знать, что они говорят о моём будущем!

– А их слова будут зависеть от ваших поступков, – всё так же мягко продолжал старик.

– Если я захвачу Вороний остров, Берлау это не понравится. Остров расположен так же близко к землям старухи-королевы, как и к нашим территориям. Начни она в отместку войну против Торренхолла, Ллевингор встанет на мою сторону или предаст меня?

– Король Итор не лишён толики смелости.

– Оставь его смелость в стороне и ответь о его верности!

– Для западного народа вы завоеватель, милорд. Какой верности вы хотите от рабов?

– Я планирую объединить наши королевства. Ллевингорцы должны видеть во мне друга и брата, а не господина.

– Брак с принцессой Мириан, конечно, изменит их отношение к вам. Но не забывайте, пока Ллевингор не стал окончательно частью Нолфорта, их королем остается Итор Мелиандер, и, сколь сильна ни была бы любовь сестры и брата, сестра покинет родной дом, а взоры людей по-прежнему будут обращены на Итора. И судить о своём короле народ будет по его поступкам.

– Для того я и затеваю этот брак, чтобы получить себе союзника и верного вассала, а не нож в спину.

– И это правильно. Осмелюсь добавить, что принцесса Мириан – лучший выбор, какой вы только могли бы сделать.

– Она так же хрома на левую ногу и бледна, как её тщеславный братец? – усмехнулся Гай.

– Бледность её скорее аристократична и ни ничуть не умаляет её красоты. Напротив. На фоне каштановых волос и прекрасных карих глаз только подчеркивает поистине королевское происхождение. Вы ни разу не видели принцессы Мириан?

– Ни разу. – Стернс опустил за стол, пододвинул к себе пустой кубок и наполовину полный кувшин. – Ещё вина, Дагорм? – впервые за вечер по-домашнему просто спросил он.

– Не откажусь, – старик улыбнулся. – Наши виноградники могли бы стать отличной альтернативой жемчугу с Вороньего острова, не находите?

Гайлард отпил из кубка и кивнул.

– Если бы за них платили так же баснословно, как за жемчуг. Но не меняй тему. Расскажи мне ещё об этом темноволосом ангеле.

– К чему рассказывать, милорд, вы сами скоро всё увидите. Принцесса прибудет в ваш замок со дня на день, и вы будете поражены её кротостью и милостью. Прекрасный выбор, милорд, просто прекрасный, – смакуя вино, подытожил старик.

– Знаю. Лично спускался в погреб и выбирал. Это урожай того года, когда...

– Я не о вине, сир, – вежливо перебил Дагорм. – Хотя оно тоже великолепно.

– Я не ищу в своей будущей жене неземной красоты, Дагорм, как, впрочем, и ангельского характера. Вполне достаточно, если она будет недурно выглядеть и не будет лезть в мои дела.

– Вы так мало требовательны.

– Её задачей будет произвести на свет наследника королевской крови, а всё остальное не имеет значения. Я не буду требовать от неё любви – хватит послушания и верности. Пусть родит мне сына и воспитает его в соответствии с традициями нашего рода. Это единственное, что мне нужно.

– Увы, высокие браки часто свершаются по расчету, но, уверяю вас, принцесса Мириан – одна из тех, в кого трудно не влюбиться. Даже я, будь я, конечно, моложе и не так морщинист, попробовал бы сразиться за её руку в рыцарском поединке.

– Королю, что настоящему, что будущему, следует любить свой народ и забыть о личных чувствах. Каждая минута жизни должна быть направлена на созидание благ для подданных, а не на личное счастье.

– Кто счастлив сам, способен и другого сделать счастливым. Какое счастье принесет господин своему народу, если сам не испытал такового?

Гайлард не ответил, лишь разлил остатки вина из кувшина по серебряным кубкам.

– В твоих книгах есть пророчества и о моём семейном счастье?

Дагорм внимательно посмотрел на Стернса.

– В книгах описано всё, даже последнее дыхание летучей мыши, обитающей в пещерах горы Вороньего острова. Но я вам это говорю не как алхимик и хранитель традиций, а как старый человек, которому дороги вы и ваше будущее. Не забывайте, ваш отец перед тем, как недуг окончательно победил его, просил меня заботиться о вас. Вы много значите и для короля.

– Если в книгах есть всё, то почему ты не ответишь мне, что меня ждет, если я отправлю людей на этот треклятый остров?

– Вы забываете, милорд, что не все легенды и предания так легко прочитать и истолковать. Древние мудрецы донесли до нас лишь малую толику того, что удалось расшифровать. Кое-что сумели разглядеть и мы, в том числе и ваш покорный слуга. Но из тринадцати тысяч и тридцати преданий раскрыто только семьдесят четыре. Толкование стихов требует десятки, а то и сотни лет.

Дагорм уловил во взгляде Стернса сомнение.

– Позвольте, я покажу вам.

Старик проследовал в другой конец зала, где в высоту до потолка вытянулись шкафы с книгами, столь же древними, как и он сам. Приставив лестницу к полкам, Дагорм медленно и осторожно поднялся на третью ступеньку и потянулся за одной из книг.

– Помогите, милорд. Вещь довольно тяжелая.

Гайлард подошел к шатающейся лестнице, на которой с трудом балансировал старый советник. В руки лорда легла толстая книга в плотном кожаном переплете: без названия, без украшений, которыми так изобиловали обложки других книг. Просто несметное количество плотных листов, сшитых воедино и обтянутых кожей.

– Положите на стол. Только будьте крайне осторожны. Одна царапина на любой из страниц может в корне поменять смысл предания, которое мы хотим прочесть.

Осторожно спустившись с лестницы, Дагорм расправил одежды и поспешил к столу, куда Гай уже отнёс самое главное сокровище своей библиотеки. Сдув пыль с книги, старик бережно открыл её и перевернул с дюжину листов.

– Видите, милорд. Все стихи написаны особыми рунами, способными менять значение в зависимости от света, при котором их читаешь, и от рун по соседству.

Стернс склонился над страницей, на которую указывал Дагорм.

– Очень плохо видно. Эти руны уже стерлись от старости.

– Вовсе нет. Это одна из их особенностей. Вам их сейчас почти не видно, а посветите-ка справа.

Гай взял со стола подсвечник и поднес к книге.

– Теперь видно намного лучше.

– А теперь слева.

Стернс переложил подсвечник в левую руку и посветил, как просил Дагорм.

– Видите, что изменилось?

– Да. Две верхние строчки переместились вниз.

– Именно. Под правым светом – один смысл, под левым – другой. И нужно разгадать, какой стих – ложь, а какой – то, чему суждено сбыться.

– Но, – Гай запнулся, а его лицо покрылось легкой испариной, – если текст можно прочитать двояко, откуда уверенность, что именно эта версия имеет право на жизнь?

– Я понимаю, к чему вы клоните. Вы хотите сказать, что стих, который я показал вашему отцу много лет назад, мог быть истолкован иначе. Увы, нет. Я испробовал все варианты увидеть в нём другой смысл, но ничего не нашел.

– Покажи мне его, – хриплым голосом произнес Гайлард.

Дагорм засуетился, листая хрупкие, отдающие ветхим запахом страницы. Выведенные то серебром, то золотом руны с разных стихов с разных страниц заплескали перед глазами Стернса. Где-то послания были совсем короткие, где-то – длиною в жизнь. Наконец, пальцы старика остановились на одной из страниц.

– Вот, милорд, – Дагорм бережно передал книгу Гаю.

Серебряные руны небольшого стиха ярко заблестели, когда Стернс поднес к ним свечу. Начертанные много веков назад, они сохранили в себе больше жизни, чем все портреты, висевшие в замке. Казалось, они вот-вот выпрыгнут со своего места и в буйном танце поведают лорду и его советнику страшную тайну.

– Серебряные руны, – начал объяснять Дагорм, – самые сложные из всех. Медью пишут прогнозы погоды и урожаев, развитие и упадок деревень и прочих мелких поселений. Редкие краски, как то малахит, бирюза или коралл, используют для обозначения важных событий, как радостных, так и печальных: рождение наследника, например, или заключение брака, смерть. Золото – это процветание. Находки и потери – вот о чём расскажут стихи, выложенные золотыми рунами. И, наконец, серебряные. Эти руны двулики. С одной стороны, они могут сообщать

щить о великой беде, которая никого не оставит в стороне. С другой – о грандиозной победе добра над злом, которая свершится лишь благодаря сильному сердцем человеку.

– Ты уверен, что испробовал все варианты трактовки рун?

– Абсолютно все, мой господин. Я поднял все известные мне книги на эту тему и испробовал всё, что знал сам и что до меня знали мои учителя.

– Прочти ещё раз, – приказал Стернс и отошел в сторону.

– Как вам будет угодно, – ответил Дагорм и полез в бездонный карман своих одежд за пенсне. Нацепив его на нос, откашлялся и монотонно затянул:

*В один из мрачных, темных дней
Падет наш город королей.
Огонь разбудит младший брат
И сеять смерть он будет рад.
Напротив брата встанет он,
И погрузится старший в сон.
Лишь разлучив двух королей,
Спасешь ты мир свой и людей.*

Дагорм снял пенсне и закрыл книгу.

– Легенда гласит о двух братьях из королевского рода, что будут рождены в год двух лун. Это явление крайне редкое и длится всего пять лет. Последний раз луны-близнецы восходили на небосвод тридцать лет назад, когда родились вы, милорд. Спустя пять лет, на исходе года двух лун, был рожден и ваш младший брат. Лорд Стернс втайне молился всем мыслимым богам, чтобы это была девочка, но чуду не суждено было случиться. Я разглядел во всём, что произошло, угрозу для нашего мира и поведал об этом вашему отцу и дяде.

– И отец решил убить новорожденного сына. – Гайлард опять подошёл к окну и уставился в заливаемый дождём сад. – Мать так и не смогла пережить утрату.

Дагорм грустно кивнул.

– Ему могло бы быть сейчас немногим больше, чем Гверну, – продолжал Гай, но был прерван старым советником.

– Позвольте спросить, милорд, только не считите за дерзость. Вы согласились приблизить к себе Гверна, потому что увидели в нём образ брата?

Гай пожал плечами.

– Возможно, то было одной из причин. А основную ты знаешь. Надеюсь, он себя ещё покажет.

– И я надеюсь... И всё же я не советую отправлять Гверна одного на остров. Да, юноша не по годам умен и хваток, но это его дар с рождения, а приобретенный опыт в таком сложном походе, что вы задумали, не помешает.

– В походе нет ничего сложного. Всего лишь прибыть на остров, осмотреть его и выловить несколько пригоршней жемчуга. Гверн вполне способен справиться в одиночку.

– Но древняя легенда!

– Если Нольвену будет что-либо угрожать, он даст мне знать. Пять кораблей придут на место меньше, чем за день, и справятся с любой угрозой, будь то весь флот Берлау или даже крошечная тьма.

– Вам виднее, милорд, – Дагорм поклонился. – Я могу вам ещё чем-то помочь?

– Благодарю. Ты свободен на сегодня. Можешь идти.

Старик снова учтиво поклонился и направился к выходу, но у самых дверей вдруг остановился и развернулся к Стернсу.

– Я забыл убрать книгу, милорд.

– Оставь её, Дагорм. Я уберу сам.

Высокие двери скрипнули и закрылись за старым мудрецом. В зале стало тихо, и лишь дождь мерно барабанил по деревянным навесам. Сад заливало водой. Чарующие запахи розы и персика уступили место прозрачной свежести и сырости. Землю развезло, и даже рассыпанные по дорожкам мелкие камни уже полностью утопали в черных лужах.

Жители Торренхолла давно спали. Лишь в редких комнатах замка горел тусклый свет. Щепетильный казначей никак не мог сомкнуть глаз и делал записи в счётных книгах о предстоящих расходах на новую задумку лорда. Предполагаемые траты его не радовали, но душу грело скорое прибытие принцессы Мириан, которая помимо самой себя должна привезти ещё и несколько сундуков приданого.

Не спали и двое поварят на кухне. Из-за их неповоротливости сегодня сгорело жаркое, и сейчас они разбирали мешки с крупой, отбывая заслуженное наказание.

Не мог уснуть и Дагорм. Старые кости ныли на непогоду, и никакая микстура им не помогала. Проворочавшись с полчаса в постели, он встал, подошел к широкому дубовому столу и зажег свечу. Достав кусок пергамента и обмакнув перо в чернила, начал медленно писать, основательно взвешивая каждое слово. Дрожащая по обыкновению рука на сей раз держала перо крепко и уверенно.

Догорали свечи и в библиотеке, где в отличие от многих комнат вместо сырости было тепло и сухо.

– Вы до сих пор не спите, милорд. – Одна из дверей отворилась, и в створку опять просунулась голова распорядителя.

– Принеси немного холодного мяса и хлеба, Риновар, и, пожалуй, ещё вина.

– Сию минуту. – Лысый слуга неслышно исчез.

Гайлард тяжело опустился в кресло, пододвинул к себе другое и вытянул ноги. Равномерный шум дождя успокаивал, или просто Стернс сам был настолько уставшим, что смог бы уснуть и под канонаду. Рванный короткий сон на протяжении нескольких недель не прибавлял сил хозяину юга, а, напротив, изводил ещё больше. Лицо заросло грубой щетиной, а под покрасневшими глазами образовались круги. Всем видом Гай никак не смахивал на удачного завоевателя, коим являлся. И уж тем более на счастливого лорда, который через несколько недель должен выйти на балкон замка к народу и представить всем новую госпожу. Но шум дождя прогнал и эти мысли. Не хотелось думать ни о чём, а только смотреть пустым взглядом стеклянных глаз в ночь, где кроме стены из дождя не было видно ничего.

Одна свеча догорела полностью. Комната утонула в мягком, бархатного оттенка, полумраке. Гайлард закрыл глаза.

Глава 3. Тараканьи бега

Помещение, где отдыхала городская стража, состоявшая из опытных дозорных и зелёных новобранцев, ночью освещалось скудно. И немудрено: спать до рассвета им никто не позволил бы. На ночной дозор заступали в строгом порядке, и новички трубили наравне со старожилами. Днём же вместо желаемого отдыха молодые организмы выкладывались на стрельбище и заднем дворе, где в свободное от уборки конюшен время дрались на кулаках и деревянных мечях. Всё в караульных способствовало жесткому распорядку. Даже тусклый свет и тот вносил свою лепту: не давал уснуть, но одновременно и не раздражал глаза, позволяя окунуться в приятную непродолжительную дрему.

Караульные сменялись каждые четыре часа, и время, имеющееся в распоряжении до того, как вновь заступить на пост, предпочитали проводить, клюя носом. Однако любители поспать за полночь находились каждый день. Им ловко удавалось развлекать себя без крепких напитков и карт, а лишь при помощи пары-тройки тараканов да нескольких лучин.

Вот и этой ночью, скинув с ног сапоги да навалившись доброй половиной могучего веса на расшатанный стол, троица подобных неспящих во всё горло улюлюкала, подбадривая шустрых усатых питомцев, и откровенно плевала на желание других товарищей покемарить. А тех товарищей и залп пушек не смог бы отвлечь от положенного им четырехчасового отдыха. Так крепки были молодые нервы, не требующие не то что капли снотворного, а даже банальной тишины.

– Гони! Гони же! – Один из трёх любителей азарта без устали драл горло и подгонял ленивого таракана, на которого была сделана ставка в размере недельного пособия стража пятого ранга.

Усач не торопился. Видимо, пузо уже изрядно набил, так как к вождьленному лакомству волочился не быстрее улитки. Но и его соперники не спешили. Откормленные поварами таверны, что стояла по левую сторону от караулен, они настолько растолстели, что с трудом преодолевали препятствия, расставленные охотниками до необычного вида тотализаторов. Впрочем, странными подобные игрища казались лишь тут, в каменных холодных стенах, не согретых печным огнем, на котором могли бы весело булькать горшки с телячьим рагу. И только одному человеку – капитану Швидоу. В городке же, в подвалах старых домов, напоминавших больше игорные притоны, чем кладовые, тараканьи бега стали главным источником дохода хозяев таких сомнительных и пользующихся дурной репутацией заведений.

Но Дуон Швидоу, сорока лет от роду, за всю свою жизнь не переступил и порога подобного учреждения, а потому о соблазнительных барышах не знал. Так, может, и поставил бы парочку монет на рыжего усача, всем своим видом напоминавшего самого Швидоу, с тем единственным отличием, что у шестипалого пузо уже давно отвисло, а у капитана городской стражи за сорок лет так и не появилось.

– Чтоб мне провалиться на этом самом месте, опять за старое.

Разыгравшаяся троица встрепелась, заслышав топот и недовольное ворчание начальника, сграбастала тараканов и швырнула их в глиняную миску, которая тут же отправилась под стол. Сами игроки вытянулись по струнке, приветствуя капитана, нежданно нагрянувшего к ним среди ночи.

– Пф-ф, – громко фыркнул Дуон, стряхнул воду с дождевика и пригладил топорщившиеся в разные стороны жесткие рыжие усы. – Бр-р, льёт как из ведра, – многозначительно добавил он и беспокойно зашарил глазами по просторной, но тёмной, комнате.

– Опять последние гроши из кармана в карман растаскиваете? – Дуон сурово рявкнул, продолжая бегать взглядом по караульной.

– Никак нет! – басом соврал самый нахальный из троицы. – Оружие чистим да дочь кухарки «Потрошков на шпажке» обсуждаем. Не спится...

– То-то и оно, что не спится, – вздохнул Швидоу. – Не к добру такая гроза. Вишь, как разыгралась. Спокойно не закончится. С дюжину домов снесет да столько же деревьев на проселочных дорогах повалит.

Плюхнувшись на пододвинутый стул, капитан сделал ещё три тяжелых вдоха, вытер дождевую воду со лба и, притворившись, что всему виной лишь праздное любопытство, спросил:

– А где Рики?

– Спит за ширмой, – поспешил сообщить рослый светловолосый стражник с белесыми бровями.

– Уснешь тут с вами, – недовольно выплеснулось из темного угла, прямо из-за коротенькой, наспех сооружённой, тряпичной перегородки, что отделяла небольшое пространство величиной с каморку от общего помещения. – Раскаркались, как вороны Берлау.

Тоненький голос, хоть и заспанный да измученный дождевой сыростью, мигом изменил капитана. Его насупленные брови отпрыгнули друг от дружки, морщины на лбу разгладились, и даже усы стали топорщиться более помпезно, чем только мог закрутить их брадобрей, спеша обслужить важного посетителя по высшему классу.

В темном углу завозились. Дуон потянулся к столу, взял свечу и посветил в сторону, откуда доносились шмыгание носом и скрип деревянной лавки. Желтый огонек в тот же миг выхватил отодвинутую ширму, а за ней тоненькую, невысокую, по-мальчишески угловатую и плоскую фигуру, которая, основательно обмотав ноги, не спеша засовывала их в непромокаемые чёрные сапоги с высоким голенищем. Закончив с надеванием сапог, фигура выпрямилась, потянулась, повернула шею вправо-влево, наслаждаясь легким костяным хрустом и, резко поднявшись с лавки, устеленной протертой до дыр половицей, зашагала к выходу. Вовсе не мальчишка, а девчонка, бледная кожей, с вытянутым лицом, смахивающим на лисью мордочку, и коротко стриженными волосами, торчащими в разные стороны, подобно соломе из снопов.

– Рано ж ещё, – крикнул ей вдогонку один из стражников, – вот вернется смена, тогда и берись за тряпку.

– Уж лучше подожду и под дождём помокну, чем вас терпеть буду, – проворчала неказистая, обернувшись к бодрствовавшим вахтенным.

Глаза цвета моря укоряюще вперились в трёх здоровяков, не раз замеченных за шуточками и подколами в отношении полотёрки, постоянно вызывающей пересуды и сплетни. Сдёрнув дождевик с гвоздя на стене, девчушка уже было толкнула от себя входную дверь, но окрик Дуона заставил её застыть на месте.

– Снимай, – капитан кивком указал на старый поношенный плащ, – да вешай обратно.

– Это зачем? – недоумевала синеглазая. Но послушалась и вернула плащ на самодельную настенную вешалку.

– Вместо тебя сегодня Хейм грязь уберет.

Спорить никто не стал. Ни обескураженная девчонка, ни недовольный Хейм: дождь на улице заканчиваться не собирался, лишь усилился, и отдуваться на ветру да в сырости за себя, а потом ещё ворочать за кого-то другого кучи принесенной в казармы земли, смешанной с глиной и мокрой травой, радости не доставляло. Но послушаться капитана новобранец не решался.

За первым приказом Дуона последовал второй – сухой, равнодушный.

– За мной следуй. А вас ещё раз за ставками застукаю, – капитан развернулся к взволнованным здоровякам, предвкушающим скорое возобновление игры, – в подzemелье окажетесь. Там мест полно свободных и тараканов хоть отбавляй.

– Да, капитан, – нестройное эхо разбежалось по углам.

– Хейм знает, где тряпки взять? – быстрым взглядом Швидоу окинул тоненький девичий силуэт.

– Да, капитан, – словно сговорившись со стражниками, отвечала Рики.

Скрипучая дверь затворилась за рыжим служивым и нескладной девчонкой не быстро. А когда тусклый коридорный свет полностью перестал проходить в караульную, смирившийся с участью мокнуть ночью под проливным дождем, а затем мести полы Хейм поддел носком сапога упавшую на пол шкурку от сала и пнул её в сторону к помойной куче, которую рано поутру вынесет пунктуальный служка.

– Усач готов пылинки с неё сдуть, скоро дышать перестанет, а ей всё одно, – Хейм хмыкнул.

– Долго подкатывает, – поморщился его товарищ по ночной смене. – Я б на его месте уже давно девку в койку уволок и все дела обстригал. Не бабское это дело – в казармах ошиваться, хоть и прислуга.

– Скоро завалит. Таракан обстоятельно к делу подходит. Круги описывает, почву готовит. Тут у него особый интерес, не на один раз.

– Какой ещё интерес? – пробасил четвёртый стражник, до сих пор крепко храпевший на лавке у противоположной стены.

Лениво потянувшись, он громко зевнул, почесал щетинистый подбородок и добавил:

– Дуон ей в отцы годится. У них поди и разницы-то лет двадцать, а то и все двадцать пять... Вот и оберегает девчонку, заботится, дочь в ней видит.

– Ну-ну, – проворчал Хейм, опустил на обшарпанную скамейку, взял с пола измазанную в ваксе тряпку и начал начищать сапоги, одновременно бубня под нос. – Дуону уж за сорок перевалило, а ни хозяйку, ни детей так и не завел. Оно не удивительно, кто на такого позарится? Лоску в нем нет, молодецкого пыла тоже, только усы остались, и те пивом пропахли. А ты, Брасс, всё в сказки веришь да в людскую доброту и непорочность.

– Зуб дам за свои слова.

– Зуба мне твоего не надо, но вот проучить тебя не откажусь. – Хейм выпрямился и постучал каблуком сапога о пол, любуясь своей работой. – Давай, кто из нас двоих прав окажется, тот просит, чего захочет. Если я продую, то хоть весь рот тебе отдам, благо у меня там одна гниль да воняет отменно.

И в доказательство Хейм широко разинул рот, из которого потянуло многолетней несвежестью.

– Ха! Думаешь, на попятную пойду? Да ни в жизнь! Давай, тощий, разбивай, – кинул Брасс в сторону третьего стража, волей судьбы ставшего свидетелем пари. – А теперь и на пост можно, – голосом, из которого ещё не до конца ушел сон, пробасил Брасс, как только было ударено по рукам.

Натянув сапоги и накинув дождевик, он загрохотал в направлении входной двери. Замок лязгнул, дверь открылась и тут же громко захлопнулась. Оставалось лишь слушать удаляющийся топот.

– Выиграешь хоть? – поинтересовался у Хейма товарищ по смене, которого называли тощим.

– А то, – присвистнул Хейм, заканчивая начищать второй сапог, – уж я знаю, за что ручаюсь.

– Как эта девка вообще пролезла в казармы?

– А ты будто не слышал?

– Знаю только, что она уже месяц тут ошивается. Все слуги живут в бараке по ту сторону стены, а она с нами.

– Точно. Месяц. Из Ланимора она. Знакомо?

– Рыбное место. Чешуей и солью отменно воняет.

– И потрохами.

– Коль так воняет, то пусть и спит там, где ей положено, а не среди стражи.

– Ты так таракану скажи, – многозначительно ухмыльнулся Хейм. – Прошлым полнолунием эта девчонка в ворота постучалась – я как раз зашел на смену. Стала сразу наседать и проситься к Швидоу, но я быстро её успокоил. Отправил бы назад к бабкам, мамкам, тряпкам, да тут из-за угла усач выныривает. Как вытаращится на неё, прям вспотел весь. Потом увёл к себе и долго не отпускал. А после сделал казарменной служкой, но по-хитрому сделал – поселил в казармах вместо барака, чтобы всегда видеть да щипать, когда душе будет угодно.

Выплеснув на своего товарища всё, что когда-либо знал или придумал, Хейм поднял голову и прислушался.

– Сигнал на смену. Пора.

Тощий собеседник разочарованно оглядел стол, где так и не удалось возобновить новую партию забега шестилапых, и тоже поспешил на выход. Но перед самой дверью заводил волосатыми ноздрями, втягивая тяжелый, наполненный несвежими запахами воздух. Всё смешалось в полумрачной казарме: тут отдавало и сырой землёй, смешанной с конским навозом и глиной, и ржавой сталью, и потными сапогами; тянуло прогорклым маслом и затхлой ветчиной, несвежим хлебом и отсыревшей соломой. Кинув беглый взгляд на ширму, за которой ранее пряталась Рики, тощий тяжело вздохнул и бросил:

– Жалко мне её. Сидит тут, кости морозит да кислой сыростью дышит. Всяко с усачом ей будет лучше и теплее.

Хейм согласно кивнул и поспешил на улицу. Тощий поплелся за ним. Ещё несколько минут в каменных коридорах раздавался топот: одни стражники возвращались на отдых, другие заступали на вахту. А потом и это стихло, растворившись в ночной тиши, и только капли дождя никак не могли утомиться и продолжали тянуть унылую песню, что струилась по черепице спящих домов, прыгала по водостокам, плюхалась в наполненные грязью канавы и монотонно стучала по шлемам ночных дозорных, постепенно сводя тех с ума.

Подул ветер, всколыхнулись черные дождевые плащи, затрепетали перья на стрелах в колчанах. Подул ещё раз, пытаясь сдвинуть с места нависший над городом свинец и принося с собой сухой песок с востока. Закружил, завертел, прогоняя завывание ночного ливня и навязывая рассветному югу Нолфорта новую мелодию.

Солнце робко попробовало пробиться сквозь ультрамариновую завесу, но получилось только слабо скользнуть – тучи крепко сцепились друг с другом и не думали раздвигаться.

Поток теплого воздуха, полный песочной охры, заплясал по дорогам, витиевато поднимаясь вверх и упираясь в темноту. Стукнувшись о небесную твердь, отпрянул и засновал по узким переулкам в поисках открытых окон. Одно нашлось. Ветерок ловко проскочил в распахнутые створки, приподнял краешек шторы темно-лилового цвета и лизнул горевшие в небольшом количестве свечи. Не устояв под его напором, несколько язычков пламени тут же потухли, но были вновь зажжены заботливой рукой: не молодой, сухой и некрасивой.

– Сколько ты уже с нами? – Дуон отодвинул подсвечник на середину стола, позволяя свету заиграть по-новому в тесной каморке.

– С середины лета.

– Да-да, совсем запамятовал, – деланным рассеянным тоном кинул Швидоу. Будто забыл. Будто и не отмечал про себя каждый новый день, когда поднималось солнце, а неказистая угловатая полотёрка так и оставалась в серых бездушных стенах под его начальством и опекой.

– Не тяжело тебе?

– Не тяжелее деревенской жизни, – пожала плечами Рики. – Там воду ведрами носить да дрова рубить, тут песок мести да сапоги начищать.

Дуон торопливо закашлял и сам смутился своего кашля, а потому заспешил к старому буфету из мореного дерева. Тот стоял в левом углу черно-коричневым пятном и был готов слиться с темнотой ночи. Отворив шатающуюся дверцу, капитан достал из шкафа кувшин с бордовой, маслянистой и отдающей кислятиной жидкостью, две деревянные кружки, плеснул

в каждую из них поровну и жадно отхлебнул из своей. Смесь терпких ягод и сладких пряностей разодрала горло и прокатилась пламенем по всему телу. Вторую кружку Швидоу протянул Рики.

– Настойка из лисьей ягоды. Согревает.

Девчушка сделала маленький глоток, поморщилась и выдавила:

– Зачем вы позвали меня? Не настойку же пить?

– Зачем? – переспросил Дуон и удивлённо изогнул брови. Как будто не знал, что сказать, и воспользовался короткой паузой для придумывания ответа. Но Дуон всё прекрасно знал.

Он знал, что присевшая на краешек стула тоненькая и юная девушка никогда по собственной воле внимания на него не обратит. И не она одна. С женщинами у Швидоу не клеилось с юности. Даже просто заводить знакомство. Строгое воспитание в детстве не позволяло задуматься о продажных девицах; сердце же влекло ко многим, но те воспринимали капитана с таким же равнодушием, каким смотрели на старое сухое дерево, не приносящее плодов: выкорчевать и забыть.

Первая серьезная любовь случилась в четырнадцать лет. В дочку мельника: рыжую, конопатую, громкоголосую и шуструю, как ветер. Ни секунды на месте ни сидела – махала косами и шелудила семечки. И Дуон был ей под стать: такой же худой и длинный, словно жердь, рыжий и веснушчатый. В конце лета отец отправил юного отпрыска в столицу Нолфорта: посмотреть место, где днем и ночью кипит жизнь, набраться опыта и просто завести могущие стать полезными в будущем знакомства. Знакомств Швидоу не завел, а опыт получил лишь в том, что куда бы он ни пошёл, его везде стремились ограбить и надурить.

Год, проведённый в самом оживленном городе западного континента, так и не наполнил Дуона нужными знаниями. Зато каково же было его удивление, когда, вернувшись в родные земли, вместо рыжей нескладёхи он увидел молодую женщину, богатую на грудь и бедра. Она уж более не разбрасывала шелуху от семечек подле забора, а скромно сидела дома, ожидая дня свадьбы с местным кузнецом. Не с Дуоном.

Потом было второе увлечение. И третье. Каждое глупее предыдущего. Дамы попадались уже постарше и продуманнее. А то, что в Швидоу их прельщали лишь статус, земляные угодья и большие связи, доходило до будущего капитана не сразу. Лишь после того, как его бросила пятая пассия, успешно устроившая себе счастливую партию с личным поваром Дуона, рыжий неудачник остепенился. Желание сколотить своё семейное счастье сменилось равнодушием. Равнодушие продолжалось долго. Пока не появилась она.

И все в ней было складно. И средний рост, чтобы выгодно выглядеть в свете, когда женщина чуть ниже сопровождающего её мужчины, чтобы даже таким способом подчеркнуть покорность и преклонение перед истиной силой – мужской. И темные, цвета спелых обжаренных каштанов, густые волосы, заплетенные в тугую косу. И глаза – ореховые, с янтарными крапинками, словно щедрое солнце в жаркий день подарило несколько брызг.

Дуон был безнадежно влюблён. Никому об этом не говорил и только тяжело вздыхал. Когда же на приёме у лорда Стернса по случаю расширения южных территорий роскошная красавица робко попросила Швидоу передать ей мясо кабана, Дуон посчитал, что первый шаг к знакомству наконец-то сделан. Дальше девичьи ноги стоптали башмаки в веселых вечерних плясках с новым знакомым, а усы Дуона затопорщились ещё помпезнее. Счастье переполняло сердце Швидоу и лилось через край, как и бордовое вино, растекавшееся по дубовым столам и крупными каплями падающее прямо в рот охмелевшим и свалившимся со скамей на пол гостям.

Лорд Гайлард в тот вечер покинул празднование рано. Поставив размашистую подпись на пакте о присоединении земель и скрепив печатью своё обязательство заботиться о новых деревнях и людях, он незаметно для всех выскользнул из пропитанного мясным дымом и бражным ароматом зала, оставив собравшихся предаваться бесконечному веселью.

О том, что произошло на следующий день сразу с рассветом, когда последние стоявшие на ногах гости расползлись по домам, а не стоявшие так и продолжали в забытии валяться на полу и земле в лужах вина, эля, обглоданных костей и собственной мочи, Дуон предпочитал не вспоминать.

Вывалившись на улицу, он жадно глотал воздух, цеплялся негнушимися пальцами за всё, что попадалось на пути, лишь бы не упасть, а продолжать идти. Ехать в места, что были ему оставлены, не было сил, и Швидоу смог только доползти до каморки, что отвел ему при Торренхолле лорд Стернс, упасть на кровать, закрыть глаза и молиться о том, чтобы выжить.

Дуон выжил, но с красивыми женщинами раз и навсегда было покончено, а некрасивых не хотелось. На душе стало спокойно и уютно. День сменялся новым днём, который был точной копией предыдущего: подъём по расписанию, объезд территорий, обучение новобранцев, порка провинившихся, скромный обед и снова объезд... Другой давно бы сошёл с ума, а Дуон сумел свыкнуться с новой обыденностью, отвыкнуть от старого уклада жизни и даже получил в награду чин капитана. Вот только отмечать звание никто не пришёл; общение Швидоу ограничивалось стенами его комнаты при казармах и немой служкой. Ему-то и перепала золотая монета – знак неслыханной щедрости хозяина, а ещё пол кружки наливки. На всех же остальных в округе Дуону было глубоко плевать.

Он увидел Рики жаркой летней ночью, когда не спалось и в висках давило от невыносимо сильного аромата полыни. Одета просто, с косынкой на голове и в прохудившихся башмаках, она вцепилась в его руку и что-то сбивчиво пыталась объяснить. Стражники поначалу приняли девчонку за полоумную, хотели уже прогнать, но косынка спала, и Дуон обомлел. Угловатость и неказистость девичьего силуэта напрочь исчезли, уступая место невинному личику, обрамленному короткими рванными волосами. В пронзительном взгляде читалась мольба, и сердце капитана сдалось.

Зачем деревенская девчонка просилась в стражники, он так и не понял. По правде, он не сильно и слушал – все любовался соломенным цветом волос и бледно-розовыми тоненькими губами. Говорила Рики горячо, но сбивчиво и путано. Когда же замолчала, то Дуон ещё долго соображал, что ответить, так как благополучно пропустил всё сказанное мимо ушей. А когда разобрался, то смог предложить лишь место служанки – место теплое, и кормят хорошо, для юной деревенской особы самое подходящее. Помимо казарм Рики должна была убирать и его личные комнаты – и в это время Швидоу старался отменить любые учения и быстрее бежал к себе в каморку, чтобы лишний раз из угла жадно наблюдать, как весело искрятся на свету медовые волосы девчушки, как изящно она наклоняется, разбирая разбросанные вещи, как приподнимается на цыпочки, чтобы расправить тяжелые шторы, и как заботливо протирает фамильный меч капитана, разглядывая выгравированные цветки вереска на рукояти.

Швидоу не раз ловил себя на мысли, что пойдя он у Рики на поводу и дай ей то, о чём она просила, она давно потянулась бы к нему. Возможно, они стали бы друзьями. Но разве о дружбе он мечтал? Внутри него из всех сил боролись два желания: исполнить каприз тоненькой девчушки и увидеть, как светится счастьем её личико, или продолжать превращать казарменные будни в унылую реальность, тем самым показывая, что девочке не место среди стражников на городской стене. Последнее удавалось очень хорошо, и Швидоу уже чувствовал, что почти достиг желаемого результата. Оставалось совсем немного. Пожалуй, эта ночь вполне могла бы поставить точку.

– Я слышал, у тебя есть брат...

Дуон начал издали. Сделал несколько шагов влево-вправо по комнате, прислушался, не прекратился ли дождь, расправил складку на рукаве, одернул несвежую манжету.

– Есть. – Рики нервно заерзала на месте и выплюнула слова, будто огрызок от кислого яблока.

Дуон стерпел. Он уже давно замечал, что вывести его из себя не удаётся никому. Ни врагам, ни друзьям – благо ни тех, ни других давно не было.

– Кто-то ещё из мужчин-родственников есть?

– Нет.

Рыжие усы довольно приподнялись вверх и горделиво распушились. Да и сам капитан чуток вытянулся в росте, приосанился и приободрился.

– С утра в конюшне возмёшь лошадь. Конюх предупреждён, даст тебе хорошую, быструю. Отправишься в деревню к брату.

– Зачем? – Выцветшие за лето брови удивленно изогнулись.

– Передашь от меня.

Дуон отодвинул ящичек деревянного комода, вынул оттуда небольшой свиток, туго скрученный, перетянутый лентой черно-серого цвета, и протянул его Рики.

– Что в нём? – холодно спросила девчонка и недоверчиво повертела свиток в руках. – Вы всё же решили от меня избавиться и пишите брату, что моё место среди коров и деревенских сплетниц?

– А ты разве не соскучилась по дому? – Швидоу набрался смелости и посмотрел Рики в глаза.

Та взгляда не отвела. Напротив, смотрела бесстрашно и даже немного безрассудно. Море... бескрайнее море бушевало в её взгляде, волновалось и негодовало, и не собиралось так просто сдаваться. Металось, штормило, топило всех, кто посмел усомниться в его силе. Дуон вздрогнул, поежился, отвернулся и продолжил, не сбавляя тон:

– Разве тебе не надоели грязь, вонь, мужицкий запах вокруг? Эта одежда, в конце концов? – Дуон обвёл рукой грубо пошитые штаны и тунику, больше похожую на шутовской балахон, которая была девушке на три размера больше и выразительно свисала с неё во всех мыслимых местах.

– Вначале всегда так: нужно притереться, пообвыкнуть, и потом будет проще.

– Ты хоть понимаешь, под что подписываешься? Всю жизнь убирать помои и счищать навоз и глину с сапог.

– Почему всю жизнь? – перебила капитана Рики. – Вы говорили, я послужу вам несколько месяцев. Вы присмотритесь ко мне и, если нареканий не будет, возьмёте в новобранцы.

Дуон прикусил язык. Он действительно наобещал ей многого в день их встречи, преследуя лишь одну цель: оставить при себе девчонку на как можно большее время.

– Я готов взять тебя хоть прямо сейчас, но лорд Гайлард не даёт на то своего согласия, – покачал головой Дуон. – Милорд принимал меня несколько дней назад, и я просил о тебе, но его милость и слышать ничего не хотел.

– Я так и знала, – буркнула Рики. – Все испокон веков твердят, что женщине не место среди солдат и даже стражников. Но ведь я готова учиться, готова служить на равных с мужчинами, не прося ни о какой пощаде или послаблении для себя.

Дуон насупил брови.

– Лорд Стернс был непреклонен. Он не только против тебя в рядах городской охраны – он просит, чтобы я отправил тебя из гарнизона обратно к брату, где тебе и место.

– Об этом вы тут и пишете? – со слезами на глазах Рики покосилась на свиток, который не переставала теребить в руках.

Дуон снисходительно улыбнулся.

– Коль ты так хочешь остаться среди стражников, то есть один способ. Милорд был настолько любезен, что подсказал мне его – сам-то я и не додумался.

Рики встрепенулась, и по всему её виду стало понятно, что она согласится на что угодно.

– И что надо делать?

– Просто передай моё послание брату, – еле заметная собственническая улыбка скользнула по губам капитана и спряталась в рыжих усах, – и всё будет так, как ты хочешь.

Лицо Рики светилось счастьем. Впервые за ночь. И впервые за всё то время, что она провела в стенах гарнизона. Швидоу никогда раньше не видел её такой. Да и сейчас она улыбалась не сильно, а лишь уголками губ. Робко, но искренне.

– Ступай. Смотри долго в деревне не задерживайся. Послание передашь и следующим утром обратно. Поняла?

– Так точно, капитан, – деланно отрапортовала девчушка и, крепко сжав свиток, выбежала из комнаты.

Глава 4. Навоз и стрелы

На заднем дворе стоял запах навоза.

Он был настолько ярким и терпким, что хотелось зажмуриться и заткнуть ноздри цветками клевера, лишь бы навсегда лишиться нос возможности вдыхать столь явный признак жизни. Беда состояла в том, что розово-белые цветы тоже изрядно замарались и пахли сейчас совсем не мёдом и утренней росой.

Ночная буря успокоилась, оставив после себя затопленные овраги, поломанные деревья, искореженные плетни и побитые островки крапивы. Даже петух молчал этим утром: крыша курятника давно прохудилась, и за ночь его изрядно залило. Теперь он был полон грязной воды, смешавшейся с помётом и соломой, холоден и тих.

Лошадям в стойле тоже не посчастливилось. Поднимая из воды то одну ногу, то другую, тихим недовольным ржанием они пытались привлечь внимание конюха. Но тот спал мертвецким сном чуть поодаль, ещё не протрезвевший с ночи, и сильно вонял кислыми огурцами и чесноком.

Рики тихонько шлепала по тёмным лужам. Старалась никого не разбудить и не потревожить, чтобы остаться незамеченной и не дать лишнюю пищу для неуместных размышлений. Ведь ситуация, когда командир так легко даёт гарнизонную лошадь простой служанке, может вызвать кучу сплетен, пересуд и недовольств.

Дверь в стойло тихонько скрипнула. Статная гнедая радостно фыркнула, увидев, как девушка распутывает поводья. Ещё несколько минут, и она сорвётся с места и понесётся вскачь. Выдернет копыта из холодной воды и ударит ими о землю, перескакивая через путанные древесные корни, вылезшие на поверхность. Правда, земля не столь уж твёрдая после дождя-то, и увязнуть в разжиженной глине тем утром было более чем вероятно. Но всё лучше, чем переминаться с ноги на ногу и слушать храп нетрезвого мужика.

С поводьями было уже почти закончено, как вдруг Рики остановилась и прислушалась. Нет, не показалось. Свист. Легкий, быстрый, воздушный. Оставив лошадь нервно топтаться в стойле, Рики приоткрыла дверь на улицу и осторожно выглянула.

Вжих.

Стрела прилетела со стороны свинарника и вонзилась в самое сердце деревянной мишени, наспех сколоченной и прибитой к высокому забору. В центре мишени багровой свеклой было намалёвано пятно размером с кулак.

Вжих.

Ещё одна остроконечная молнией промчалась в направлении цели и застряла в аккурат между двумя стрелами, выпущенными ранее. Желая разглядеть меткого лучника, Рики высунула голову сильнее.

– Чего лыбишься? – смешливый окрик застал врасплох. – Иди-иди, не бойся. Я твой вихор сразу заметил.

Рики вывалилась из стойла и с подозрением оглядела нахального, но меткого стрелка. Ростом тот был невысок. Задиристый подбородок, нос с красивой горбинкой, весь в веснушках. Волосы стрижены криво: пряди с одной стороны были длиннее прядей с другой. Одет чисто, без заплат, но не вычурно. Не из бедных и не из богатых. Можно было смело решить, что из середнячков, имевших достаточно средств на пропитание, но ни медяком больше, если бы не лук: рукоять гладкая, как шелк, выполненная из темного морёного дерева. Выпуская стрелу из своих тисков, он был подобен кораблю, чей нос рассекает морскую гладь так же, как стрела рассекает воздух.

– Умеешь? – Бойкий паренёк кивнул на лук, когда Рики приблизилась.

– Училась, но пока успех невелик.

– Хочешь попробовать?

Два раза уговаривать не пришлось. Крепко сжав рукоять, Рики натянула тетиву. Сердце бешено стучало, пальцы не слушались, сбивались, по лбу потекла тоненькая холодная струйка. Изящное оружие не стерпело таких пыток – стрела выскочила и шлепнулась в грязную жижу.

– Ты конюху подсобляешь?

– Нет. Из новичков я, – соврала Рики.

– Рыжий таракан Швидоу и девчонок берёт? – присвистнул паренёк.

– Ага, – сглотнула Рики, вспомнив о поручении капитана и необходимости как можно раньше отправиться в деревню к брату.

– И зачем он возится с деревенскими неучами?

– Намекаешь, что из меня ничего путного не выйдет? – Рики огрызнулась.

– Из лука ты точно стрелять не умеешь!

Что правда, то правда, Рики вздохнула.

– Вообще-то, он большим числом караульных командует!

– Да тьфу. – Паренёк махнул рукой, прошёл к своей самодельной мишени, выдернул из неё стрелы и осмотрел наконечники. – Одно название, что Швидоу кем-то командует. Таракан – трус и даже своей тени боится.

– Откуда ты знаешь?

– Отец рассказывал, – заважничал мальчуган, убирая часть стрел в колчан.

Из хлева выползла раскормленная, грязно-розовая свинья, прошлепала копытцами по грязи, уткнулась носом в ногу Рики. Пожевав голенище сапога, развернулась и зацокала в сторону паренька, вытащившего из кармашка на ремне нож и затачивавшего последнюю стрелу, прежде чем убраться к остальным.

– Эй, сороки-трещетки, уgomонились? – Из стойла вылез конюх и зашатался в направлении бочонка с дождевой водой.

Лицо его было помято и пахло огурцами и мочой. Рики поморщилась, прикрыла нос рукой – сырой воздух настолько обострил запахи, что можно было легко задохнуться.

– Иди-ка сюда. – Грязным пальцем конюх поманил к себе мальчишку и указал на бочонок. – Давай, надо освежиться.

И тут же согнулся чуть ли ни пополам, подставляя голову и шею под мощную струю ледяной воды, которая в два счета обрушилась на него с легкой подачи молодого лучника.

– Ай, хорошо! – довольно зафыркал конюх и затряс головой в разные стороны, разгоняя брызги. – Что, балаболы, Швидоу вам дорогу перешёл Да что вы знаете про Швидоу... Щеглы, воробы неоперившиеся!

Паренёк отставил бочонок в сторону и выпрямился.

– Отец говорил...

– С отцом твоим я знаком, – осадил паренька мужик, заправляя засаленную рубаху в штаны. – Хороший малый, хоть и слишком прямолинейный. Но с Швидоу тоже, чай, не первый год здоровкаемся. И вам советую молчать и не каркать более о тех вещах, в которых вы ни чёрта не смыслите. А теперь дайте пройти. Встали тут у меня на пути – хоть в лужу прыгай.

Конюх грубо отодвинул Рики от паренька, открывая себе проход по узкой тропинке, чудом не утонувшей в ночном проливном дожде. Сильно шатаясь, засеменял ногами, обутыми в разные сапоги, к сараю в ста ярдах от хлева и при этом бурно ворчал себе под нос, и размахивал руками.

– Погодите-ка, – Рики встрепелась и рванула вслед за конюхом. – Капитан Швидоу велел дать мне лошадь!

– Лошадь? Тебе? – Конюх выпучил покрасневшие глаза на раздумывающуюся от смущения и неловкой смелости девушку. – В седле-то держаться умеешь?

– Умею. Не хуже любого из новичков. И из лука выстрелить смогу, если придётся. Хейм всему научил, – выпалила Рики, чувствуя, как горят и алеют щеки.

Казалось, пьяный конюх вмиг протрезвел. Захохотал во всё горло, уперевшись руками в бока. Да так сильно, что хохот тут же перешёл в сдавленный кашель, а изо рта завоныло съеденным на ночь окороком, которой так и не переварился в желудке и был готов уже полезть обратно.

– Эларан, ты слышал? Её наши гарнизонные оболтусы научили! А тебя пьяный бродяжка вроде меня! Покажи-ка, девочка, чему тебя натащали? Каким концом стрелу в тетиву ставить хоть показали?

– А то, – нахально буркнула Рики.

– А ну, дай сюда. – Некрепко стоявший на ногах конюх протянул руку в сторону паренька и потребовал лук. – Удиви нас, покажи, что ты умеешь.

Последние слова были сказаны таким язвительным тоном, что Рики поёжилась. А пьяница не унимался, зачерпнул волосатой ручищей комок грязи и обмазал им широкий ствол старого дуба. Пятно получилось огромным, жирным и жутко омерзительным.

– А ну, попади, – продолжал подначивать конюх.

– Мне привычнее по монеткам, – делано ответила Рики, втайне надеясь на то, что выкрутится.

– Монетка, монетка... – забормотал конюх. Проверил карманы, даже в зубах поковырялся. – Ну, чего нет, того нет, но вот тебе цель.

Он вытащил из кармана огурец, откусил кусок, выплюнул его изо рта на ручищу и со всего размаху залепил в самую середину вонючей грязи.

Рики переглянулась с пареньком. Тот подбадривающе подмигнул, протянул стрелу и встал чуть поодаль.

– Главное, не волнуйся, – тихонько прошептал он. – Опора – это рот. Теперь кисть ко рту, локоть ниже... И стреляй, как дышишь, не задумываясь.

Сердце Рики бешено колотилось уже второй раз за утро. Тетива напряглась.

– Не думай о мишени, – завороченным голосом продолжал мальчишка, словно читал магическое заклинание.

Краешком глаза Рики покосилась не него и поразилась внезапному преображению. Эларана было не узнать. Поддерживая локоть Рики, он готов был слиться с луком в одно целое, последовать за стрелой, если это будет необходимо. Его глаза восторженно блестели, а дыхание почти остановилось. Даже веснушек на лице вдруг стало меньше, а сам мальчуган будто резко повзрослел, лет так на пять. Молодой мужчина, а не мальчишка вовсе: сильный, с цепким взглядом, всецело подчиняющий себе безупречное оружие, которое слушалось беспрекословно и стреляло без промаха. Тетива ослабилась, отпуская стрелу. Та просвистела и врезалась почти ровно в центр мишени. Покачалась с несколько секунд и замерла.

– Почти, – зашевелил губами паренек.

Рики победно улыбнулась.

– Вот тебе лошадь, – проворчал конюх, выводя из стойла серую. – Кобыла тихая, послушная, сама не скинет и быстро не пойдёт, так что смотри не загони, не то скажу Дуону. Он с тебя три шкуры сдерет да вдобавок на соль поставит.

– Дуон – нудачник, – фыркнул мальчишка, за что тут же получил подзатыльник. – Эй! Отцу расскажу.

– Только каркни мне тут ещё о Дуоне, – рассвирепел конюх. – Сам коленками соль есть будешь. И отец не поможет.

– А как ещё можно назвать того, кто разбазаривает свои земли? Его назначение на должность капитана показное. Это всего лишь сделка с лордом Стернсом.

– И выгодная для обоих сделка. Кому от этого стало хуже? Тебе? Мне? Или, вон, воя-кобабе?

– Отец считает это слабостью и больным рассудком. Ни один лорд в здравом уме не откажется от титула и поместья, а Швидоу всё передал в руки Стернса. И в качестве благодарности получил всего-то звание капитана и сомнительную работу. Швидоу думает, будто смотрит за стражниками и новичками, а за самим Швидоу смотрят люди милорда: его армия и личная охрана. И руки всегда на рукояти меча. Что таракан против такой мощи?

Ещё один подзатыльник осчастливил паренька.

– Милорд уважает капитана Швидоу, и ты, будь добр, делай то же самое.

– Ладно-ладно, – мальчишка скривился, потирая ушибленное место.

– Ты-то чего воды в рот набрала? – плюнул конюх в сторону Рики. – Швидоу – твой начальник, так поставь на место этого малолетнего олуха, что смеет тут рот открывать.

А Рики и не знала, что ответить. Дуон всегда был ей откровенно безразличен. За месяца работы ей ни разу не пришлось в голову копнуть хоть чуточку глубже, чем просто имя капитана.

О том, что Швидоу год назад заключил сделку с лордом Гайлардом, она не знала. Да и откуда знать, если всё детство прошло в деревне по ту сторону леса, а в родных ей местах хозяевами испокон веков были Стернсы, хоть сами туда крайне редко навещались.

Юг королевства стремительно разрастался. Шестая провинция по счету, она была больше и богаче всех других, входивших в состав Нолфорта. Здесь было всё: и беспокойное Хмурое море, и длинный, местами непроходимый, буковый лес. То там, то тут маячили трубами крыши деревенских домиков, а в самом сердце южного края высились башни Торренхолла.

Король навещал эти земли чаще других – в отличие от прочих провинций здесь всегда кипела жизнь. И в отличие от остальных земель здесь всем командовал его племянник. Командовал настолько жёстко, насколько позволяла его благородность.

Территории, принадлежавшие Дуону Швидоу, не были ни большими, ни богатыми. Насчитывали несколько маленьких, по-семейному уютных деревушек, с десятков непроходимых, заросших камышом болот и родовое поместье Швидоу. Слишком разительный контраст с раздольями соседа – Гайларда Стернса – и шпилями башен его замка.

О причинах, почему седьмая провинция королевства вдруг ни с того, ни с сего одним лишь росчерком пера стёрла своё название с карты Нолфорта и вошла в состав земель лорда Гайларда, Рики конечно же и догадываться не смела. Даже никогда и не задумывалась. Но теперь поняла, что не просто так за хозяином Торренхолла закрепилась слава завоевателя. Вначале объединение под одним флагом своих территорий с территориями соседа – объединение внутри одного королевства. А затем и внешний поход на Ллевингор, который тут же склонился перед более сильным и могущественным противником. Склонился и склонился – Рики это не волновало. Волновал лишь Швидоу, ведь не будь этой сделки, на его месте мог бы сейчас быть другой капитан: более лояльный к её просьбам, более авторитетный, более умный. А приходилось терпеть рыжего усача, которого, казалось, во всей округе только пьяный конюх и уважал.

А конюх, так и не дождавшись ответа девушки, передал ей в руку поводья и ещё раз укоризненно покачал головой.

– Замуж бы тебе выйти да дома сидеть, а не по конюшням и мужицким местам бегать.

Рики спорить не стала. С самого рождения она только и слышала порицания и насмешки в свой адрес. Слышала ото всех: от деревенских подруг, которым по глупости сморозила о споре с мальчишками и решении сбежать в Торренхолл; от молодых патрульных, сменявших друг друга на посту и укоризненно качающих головой, глядя как хрупкая девчушка сметает в яму перемешанную с навозом грязь; от капитана, в конце концов, который попытался убедить лорда Стернса оставить девушку при гарнизоне и обучать наравне с мужчинами, но успеха не добился; теперь вот даже от конюха... В этом списке не было только одного человека – её брата...

– Эй, ты чего в облаках витаешь?

Рики вздрогнула и повернулась на голос.

– Я говорю, на турнир придёшь? – паренёк перекинул за спину колчан со стрелами.

– Какой турнир?

– По случаю свадьбы лорда Стернса. Говорят, празднования будут грандиозные. Везде мёд и сладости раздавать будут. И много пива. Если пойдёшь со мной, то куплю тебе кружку. Уж поверь, мне только слепой не продаст!

– С чего такая важность?

– Есть с чего, – загадочно подмигнул паренёк. – Так придёшь?

– Ради пива?

– Так ещё же и состязания будут. На лучшее владение мечом, луком и, боги только знают, чего ещё навдумывают. Я подал заявку на участие в турнире лучников. Отец, правда, пока не знает...

– А если узнает?

– Однозначно выпорот! Он считает, я ещё не готов и могу его только опозорить.

– А кто твой отец?

– Так ты придёшь меня поддержать? – перевёл тему мальчишка. – Если выиграю, обещаю посвятить победу тебе.

– Вот ещё, – хмыкнула Рики, – победы знатым дамам посвящают, а я деревенская неумеха.

– А ты видела этих знатных? Ты любую из них переплюнешь, наряди тебя да намажь так же. Видел я этих знатных: одна слепая, другая на ухо тугая, а есть ещё и толстые!

– Ладно тебе болтать, – прервала беседу Рики, – а то я и до полудня выехать не успею. Помоги лучше.

Паренёк не отказался. Помог взобраться на лошадь, перекинул поводья, подал их девушке.

– Смотри, я буду ждать! И, кстати, меня зовут Эларан.

Глава 5. Старая склянка

острова Берлау

– Кем он себя возомнил?

От шёпота, похожего на змеиный свист, молоденькая портниха вздрогнула и уронила шитьё на пол.

– Этот напыщенный, тщеславный, ничтожный человечиска...

Теперь не выдержали испытания руки горничной – тарелка из тонкого фарфора нырнула вниз и разлетелась на мелкие кусочки. Плехнувшийся на пол сыр смешался с песком, оставшимся от сапог гонца, бывшего в покоях минутой ранее.

Крючковатый нос проследил и за тарелкой, и за сыром. Изучение ситуации заняло некоторое время, а затем взгляды молодых, казалось бы, уже привыкших к особенностям голоса своей госпожи, служанок встретились со взглядом старых, морщинистых, почти лишённых жизни, бесцветных глаз. Глаз королевы.

Морвенна, старуха, пребывающая на троне вот уже столько лет, сколько не живут, поморщилась и прошамкала:

– Убирайтесь. Обе. Хотя стойте. Пришлите ко мне Риона. А теперь убирайтесь!

Реветь было бессмысленно – сами виноваты. Девчонки это понимали. Пулей вылетев из комнаты, облегченно выдохнули – хоть не выпороли. Хотя порка может состояться позже – королева злопамятна. И не спускает с рук ни одной оплошности, даже весом с грош. Хозяйка маленького замка, в котором с трудом можно было отыскать свободную комнату на случай приезда редкого гостя, всю жизнь славилась чрезмерной вспыльчивостью и неумемной подозрительностью.

Утренний воздух был невероятно свеж и чист. Легкий, ещё не впитавший в себя терпких запахов гостевых дворов и харчевен ветерок свободно гулял по побережью, залетая то в окно горничной, то работницы за прялкой, то царствующей особы. Промчавшись по выложенной холодным камнем комнате, он ненадолго задержался, чтобы поиграть кистями яркого полотнища, изображавшего сцены битв с морскими чудовищами и вытянувшегося во всю стену.

Самое центральное изображение поражало набором красок и реалистичностью. Вырастающий из белой морской пены дракон готовился расправить крылья и наброситься на свою жертву. Его глаза наполнились огнем, а из ноздрей валил чёрный дым. Острые когти резали лучше самых известных клинков, а из приоткрытой пасти выглядывали мощные клыки. И если приложить ухо к полотнищу, то можно было даже услышать, как бьется сердце зверя. Уныло и монотонно. Слово подмастерье из похоронной лавки выполняет ежедневную рутинную работу – забивает гвозди в гробы.

Именно там, в глубоком бархатном кресле рядом со страшным драконом, и находилась сейчас старая, седая, сгорбленная Морвенна, недовольная и злая.

– Его дерзость переходит все границы. Море – моё царство, и никто не вправе посягать на мои богатства. Тем более он. – Раздражение срывалось с губ королевы, словно плевок в ненавистного и упрямого собеседника. Но никакого собеседника рядом не было.

Старуха тяжело вздохнула, вцепилась неровными ногтями в ручки кресла, закрыла глаза и притихла. Просидев так с четверть часа, она внезапно встрепенулась и прислушалась. Несмотря на старость, на слух Морвенна никогда не жаловалась – несдобровать той мышце, возню которой она услышит за стеной. Сейчас же она отчетливо различала неспешные шаги. Идти так ровно и спокойно, неторопливо и даже нарочито вальяжно мог только один человек в Берлау.

Дверь отворилась.

– Вы меня звали?

– Входи-входи, – прокаркала королева и махнула рукой, приглашая ближе.

– Опять спина ноет? – заботливо поинтересовался вошедший, уверенно прошедев по комнате.

Приблизившись к Морвенне, он пододвинул к себе покрытый бархатной тканью пуф, водрузил на него увесистый саквояж, а затем бережно провёл ладонями по плечам старой прачки, стягивая с них одежды.

– Новая мазь?

Старуха оживилась и активно зашевелила ноздрями, втягивая резкие запахи, вылетевшие из небольшой склянки.

– Немного расширил рецептуру. Добавил стружку камыша, экстракт болотных лилий и рыбий жир. Как вам? Боль уходит куда быстрее, не правда ли?

Сильные руки забегали по изношенной коже старой женщины, старательно втирая терпко пахнущее средство.

– И правда, быстрее, – облегченно выдохнула королева. – Что бы я без тебя делала... и без твоих рук.

Она бросила полный похоти взгляд на кончики пальцев молодого лекаря, показавшиеся на правом плече и через минуту исчезнувшие, чтобы заняться левым.

– Мне приятно это слышать, ваша милость. А теперь приподнимите голову.

Пальцы Риона заскользили по лбу королевы, испещрённому глубокими морщинами, старательно разглаживая их.

– Повсюду слухи, что вы доверяете вашему лекарю больше, чем Малому Совету... Раньше о подобных слухах я лишь догадывался, теперь же слышу, как на эту тему шепчутся служанки за стеной.

– Слухи, – фыркнула старуха, прикрыв глаза. – Всё, что они могут, это распространять слухи. На большее эти бездари из Совета не способны.

– И всё же это Совет. Ваши правая и левая рука, сведущие в делах военных и финансовых.

– Хвала богам, эти дурни – не мои руки. Мои же всегда со мной и при том весьма недурно выглядят. – Морвенна приподняла кисти рук, любуясь ими.

– А сейчас будут выглядеть ослепительно. – Рион зачерпнул жирной мази из склянки.

Королева задумчиво смотрела на лекаря перед собой. Опустившись на одно колено, он бережно втирал мазь в кожу её правой руки. Проводил по каждому пальцу, не сводя с них глаз и не оставляя незамеченным ни одного дюйма.

Рион был при дворе уже больше трёх лет. Целыми днями только и делал, что колдовал над снадобьями и отварами для дряхлой хозяйки Берлау. Морвенна была счастлива. Прежний лекарь не обладал даже тысячной частью тех знаний, что были в голове у Риона. Королева хорошела на глазах. И хотя полностью прогнать старость было не под силу, блеска в её глазах прибавилось, как и упругости кожи. Кости болели меньше, виски пульсировали уже не так часто, и мигрень практически прошла. Руки лекаря творили волшебство. Как и зеленые глаза, мягкий голос, которым вечерами он читал стихи; как и молодое тело, ночами гревшее королеву в постели.

Откинувшись на спинку кресла, Морвенна впиалась в лекаря взглядом хищной птицы. Не мигала и не дышала, лишь сверлила черными глазами не лишённое красоты лицо. Рион поднял голову и ответил на взгляд. Им хватило всего секунды, и влажные гладкие губы встретились с сухими и безжизненными. Комната утонула в запахах необузданной страсти молодости и болотной гнили.

– Тебя надо женить, – процедила Морвенна, когда любовный голод был утолён, и каждый вернулся на своё место: королева – в мягкое кресло, приглаживая редкие седые волосы, а Рион – к аптекарскому саквояжу, упаковывая в него мази и настойки.

– Ваша милость знает, что я верен лишь вам.

– Ты женишься, – твёрдым голосом повторила королева, – на моей внучке Ирис. Она недурна собой, юна, неопытна как в любви, так и в управлении землями. А ты соображаешь и в том, и в другом. Других наследников у меня нет. А выдавать внучку за кого-то из этих родовитых оболдуев вроде Итора или, ещё хуже, Стернса, я не намерена.

– У Стернса нет сыновей, ваше величество. Только дочери.

– Ты понял, о ком я, – отмахнулась старуха.

– О племяннике короля – Гайларде Стернсе, – уточнил Рион.

Королева кивнула.

– Но он женится на ллевингорской принцессе.

Последние слова придворного лекаря утонули в сдавленном кашле старой правительницы.

– Мои птички донесли до меня эту новость, но я не поверила, – выдавила из себя старуха.

– Чтобы он, такой гордый, такой надменный, такой самодовольный, и взял в жену эту наивную девочку!

– Это брак по расчёту, а не по любви.

– О да, расчёт. Как это в стиле всех Стернсов. Ничто так не подходит этой семейке так, как это слово.

Королева покачала головой и продолжила, упираясь взглядом в темный угол:

– Наш мир слишком долго не знал войны. Это и погубило Ллевингор, но Берлау Стернсы так просто не получают.

Рион еле заметно вздрогнул, отвлекся от саквояжа и задержал взгляд на королеве.

– В послании гонца говорилось не только о свадьбе?

– Всего лишь сплетни моего старого друга, – небрежно кинула Морвенна.

– Не похоже на просто сплетни.

Старуха стрельнула глазами в сторону лекаря, но тут же смиловилась. Лицо подобрело, сухая рука нырнула в шкатулку на столе и вытащила свиток.

– Прочти и скажи, что об этом думаешь.

– Война между Ллевингором и Нолфортом закончена, – вымолвил Рион, пробежав по мелкому тексту взглядом. – Ради мира и заключается династический брак.

– Смотри глубже. Зная Стернса, простым браком он не отделается.

– Не нужно быть ясновидящим, чтобы понять его намерения. Итору осталось недолго править Ллевингором. Ставлю, что не пройдет и полугода, как всё королевство войдет в состав Нолфорта в качестве земель Гайларда.

– Так и будет, – размеренно пропела Морвенна, наливая из чайника в кружку остывший цветочный отвар. – Армия Итора разгромлена полностью.

– Армия? Моя госпожа, да армии, как таковой, и не было.

Морвенна задумалась и пригубила отвар из чашки с золотой каймой. Ей рассказывали о Ллевингоре: чему-то она верила, чему-то – нет.

Когда Итор обнаружил в своих владениях золотую шахту, то позабыл обо всем на свете. Тем более об армии. Оружие начало ржаветь в подвалах. Новобранцы вместо службы в королевском полку стали проходить курсы золотодобычи и владения кирками. Даже опытные командиры предпочитали перебирать золотые самородки, а не объезжать границы государства с проверкой. За мечи, и то бутафорные, брались только на рыцарских турнирах. А иногда обходились и без них – ограничивались чтением баллад и состязаниями по скоростному поеданию жареных цыплят.

Золотые шахты ослепили ллевингорцев и привлекли внимание Стернса, ведь его запасы золота таяли с каждым днём. Больше всех переживал казначей и без устали пил успокоительные капли. Его здоровье спасла только война.

– Стернс силен, – промычала старуха, жадно глотая прохладный напиток. – Итор взвыл, будто собаке на хвост наступили.

– А что вы хотите, когда с одной стороны армия, а с другой – отряд с лопатами? Всё остальное у Итора давно сгнило.

– Берлау никогда не стать вассалом Нолфорта! – Морвенна со всей силы ударила кулаком по столу.

– В послании, что принёс гонец, говорится только о планах занять Вороний остров.

– Поверь мне, это лишь начало, лишь повод дать кораблям команду на отплытие. Подумай хорошенько: сначала он лишил обедневший, но древний род Швидоу власти на болотах. Оттяпал у них последних комаров и вересковые пустоши, а самого Дуона сделал своей куклой. Хотя, должна признать, тот с детства болен на голову. Затем Ллевингор! Золото, сестра короля, а потом и королевская корона – все идёт к нему в руки, и никто не в силах возразить. Лорды Нолфорта, эти ленивые увальни, вместе с королём только восхищаются и подбадривают ненасытного волка на новые чудовищные свершения. Теперь Вороний остров... Стернс получает добрую половину моря, а что останется мне? Сидеть тут тихо, в этих гнилых хоромах, и смотреть, как после острова его корабли выстраиваются в ряд у наших берегов?

Рион робко кашлянул, прерывая королеву, и вымолвил:

– Меня пугает другое.

Старуха вцепилась взглядом в лекаря.

– Что же?

– Договор основателей. Соглашение, подписанное тремя первыми королями, гласит, что никто не вправе ступить на остров. Поощряя действия своего племянника, король Нолфорта ни во что не ставит древние договоренности. Вороний остров – оплот равновесия светлых и темных сил. Любой, кто нарушит баланс, обречет наш мир на вечную ночь.

– Всё так, дорогой Рион, всё так. Древние сказки никто не отменял, хоть я в них уже давно не верю, – старуха закрыла глаза. – Сдаётся мне, этому выскочке Стернсу и не рассказывали древнюю легенду. Наши предки не для того ставили подписи на документе, чтобы какой-то алчный горделивый человечиска вдруг вздумал, что он – властелин мира.

– Королю Нолфорта надлежало бы приструнить племянника. Если он допустит нарушение древнего договора, то, кроме вас, ему придется объясняться и с Талайтом. Не только Нолфорт и Берлау подписывались под статусом острова.

Морвенна беспокойно зацелкала костяшками длинных пальцев.

– По правде, у меня нет никакого желания вести беседу с этой нолфортской бородавкой. Риккард Стернс должен тщательнее подбирать себе лекарей и цирюльников, не то его лицо совсем зарастёт гнойниками. А Талайт далеко и, говорят, сильно болен. Пока новость дойдет до Имил Даара, прибрежные воды острова будут кишеть нолфортскими кораблями.

Рион склонился к королеве.

– Вы не хотите созвать Малый Совет?

– Этих старых, плешивых развратников, от которых несет только гнилью и могилами?

– Но нам нужно что-то делать. Нарушение древнего договора – дело серьезное; нельзя просто проглотить и забыть.

– Я напишу Талайту. Выходка Стернса должна взбодрить этого старого хрыча. А там, глядишь, и от недуга вмиг излечится. Подпись Имил Даара тоже стоит на древнем соглашении. Что же мне одной-то отдуваться?

– Будь сын Талайта жив, вместе с отцом они смогли бы остановить Гая, – добавил Рион.

– Да и мне одной под силу, – поморщилась Морвенна.

– Вы планируете дать бой?

– Бой? – королева громко расхохоталась. – Я ещё не выжила из ума, чтобы открыто воевать с Нолфортом. Их флот разнесет мои лодки на куски. Длительный мир погрузил всех в сон, и нынешнее пробуждение слишком болезненно.

– Боюсь вас прогневать, но я мог бы помочь вам.

– Ты не можешь меня прогневать, мой милый Рион, – покачала головой Морвенна, – и помочь тоже.

– И всё же, – Рион настаивал, – мне не спалось на днях, и я, смешивая травы, открыл для себя прелюбопытнейшую вещь.

Лекарь нырнул рукой в саквояж и выудил из его глубин чёрно-зелёную склянку. Внутри булькала жидкость непонятного цвета.

– Это настойка корня ангорского дерева. Абсолютно безвкусная и очень мощная. Три капли на чан, и можно вызвать бурю такой силы, что корабли противника никогда не доберутся до цели. Прибавьте ещё две, и ветер будет завывать так пронзительно, что каждый, кто его услышит, забудет о том, куда плывёт, и повернёт к дому.

– И как ты хочешь, чтобы я это использовала? – Старуха задумчиво крутила склянку перед собой.

– Одно ваше слово, и я разбужу для вас ветер. Мы выпустим его на море, и вы будете со смехом наблюдать, как корабли Стернса бегут от берегов Вороньего острова.

– Слишком утонченно, – проворчала Морвенна, но склянку не вернула. – Чтобы остановить Стернса нужны не ветер, а грубая сила. Нечто дикое, необузданное, не поддающееся контролю и пониманию, непобедимое. Может, тогда он начнёт слушать. Нам нужен Талайт, Рион. Пусть он покапает на мозги этому выскочке рассказами о проклятиях острова. Гай ведь, как никто иной, любит старые предания из книги пророчеств.

Глаза королевы ярко сверкнули, на губах застыла злая ухмылка.

– Я слышал, Гайлард боится стихов из книги, как огня.

– Да, да, да, – воскликнула старуха, – книга – ключ к его душе. Мне бы не помешал этот ключ... Узнать бы, где он её хранит.

Ответ последовал подобно грому среди ясного неба, хотя последнее за окном и так было без единого облака.

– В рабочей библиотеке, она же одновременно служит лорду кабинетом.

– Откуда тебе известно?

Рион растянул губы в милой, хитрой улыбке.

– У меня тоже есть приятели-сплетники.

– Она заперта в шкафу?

– Нет, стоит на одной из открытых полок ближе к потолку. Но, видите ли, ваше величество, хоть саму книгу и легко достать, но вот попасть в этот кабинет не так-то просто. Он открывается только на время созыва совета или же непосредственно Стернсом.

– У кого хранится ключ?

– Только у молодого лорда. Есть, правда, запасной. У камердинера по имени Риновар.

– Была б эта книга у меня... Говоришь, второй ключ хранится у слуги?

– Забрать ключ у Риновара равно как забрать у самого Стернса. Невозможно.

– А если его подкупить?

– Вы не знаете Риновара. Ни подкупить, ни выкрасть. У него и мышь рисовой крупинки не унесет.

– Прямо такой неподкупный и совсем без слабостей? – с иронией переспросила Морвенна. – Наверняка, и он в чем-то уязвим.

– У всех есть слабости. Один влюблён, другой алчен. Даже ваша фарфоровая чашка разлетится на мелкие куски, стоит её бросить или хотя бы поставить на край стола и запустить в комнату шаловливых детей. У вас будут ко мне ещё вопросы? – Рион был крайне учтив.

– Вопросы... Боюсь, у тебя на них не будет ответов, мой мальчик. Ступай уже, – ласково пропела Морвенна и взмахнула рукой, словно вороньим крылом.

Рион выскользнул из покоев тихо и быстро.

– Стернс... – Королева медленно и с наслаждением тянула каждую букву имени ненавистного соседа. Закрыв глаза, она откинулась на спинку кресла и беззвучно зашевелила губами, будто бормотала заклинание.

Берлау и Нолфорт никогда не были дружны. Общего у них было только море, но кораблей Нолфорта в нём кишело будто клопов в старой перине, а у Берлау каждое судно было на вес золота. Королевство было маленьким, насчитывало пять островов, расположенных близко друг от друга, но заселены были только три. На самом большом стоял королевский замок. И не замок вовсе, а небольшая крепость, но правящие особы всегда тяготели к преувеличению и громким заявлениям.

Мелкие раздоры начались давно. Каждый раз, стоило представителям нескольких государств собраться вместе по случаю какого-либо важного события, Стернсы стремились доказать своё превосходство. Если доходило до споров, они во что бы то ни стало спор стремились выиграть. Всё, о чём бы ни заходил разговор, должно было быть у Стернсов наивысшего качества.

Морвенна помнила, как её – худенькую, темноволосую и неприметную – сватали за одного из правителей Нолфорта. Тот был статен и высок, как все мужчины его рода, уже успел вдохнуть запах крови и женского тела. На Морвенну посмотрел свысока, брезгливо скривился, развернулся и, громко стуча каблуками сапог, вышел из зала. О свадьбе можно было забыть, а в сердце Морвенны зародились обида и жажда мести. Зародились и начали прорастать.

– Стернс... – вновь сквозь зубы процедила старая королева. – Я не дам тебе и на милою приблизиться к Берлау. Вы унизили меня, наш древний род. Теперь настало время платить. Вы думаете, вам всё дозволено, но я найду в себе силы доказать обратное. Я найду в себе силы заставить тебя мучаться, Гайлард, как твой дед много лет назад заставил мучаться меня. Какое же это будет наслаждение видеть, как ты будешь страдать. Как страсть и гордость будут разрывать тебя на части. И как ты сгоришь в том пламени, которое сам и разожжёшь.

На иссохших, вытянутых в ниточку губах дряхлой женщины заиграла довольная улыбка. Её лицо было страшно величественным. Трепет – вот, что испытал бы каждый, увидев её в этот момент: седые волосы портретно обрамляли немного вытянутое лицо с острым подбородком и выюющимися прядями, словно змейками, ниспадали на обвисшую грудь, спрятанную под темно-фиолетовым с золотой вышивкой платьем; худые, почти синего цвета, длинные пальцы были украшены кольцами со вставками из драгоценных камней; подол платья был расшит жемчугом золотисто-медового оттенка, какой встречается только в юго-западных водах Хмурого моря и только в самые жаркие летние дни.

Подувший с востока тёплый ветер ворвался в открытое окно и закружил в распушенных волосах Морвенны и многочисленных тканях. Казалось, взмахни королева широким рукавом, словно крылом, и она взлетит подобно птице. Но та только открыла глаза и мстительно их прищурила. Затем выудила из атласного кармашка на поясе небольшой пузырёк с зеленоватой жидкостью. Старьё, внешне невероятно похожее на ту склянку, что дал ей Рион, но, в отличии от настойки лекаря, это жутко воняло дымом.

Пузырёк достался Морвенне от прабабки, грузной женщины с двумя жирными бородавками над верхней губой. Бабка была настолько стара, что еле-еле выговаривала слова, половину из которых уже начисто забыла. Слуги ломали голову, пытаясь разгадать, что же она имела в виду, отдавая то или иное распоряжение. Часто не угадывали и получали то звонкий подза-

тыльник, то обглоданную куриную кость, брошенную в их сторону. Но вот одни слова бабка произнесла чётко и без запинки, будто на пару минут к ней вернулось прежнее сознание, или она стала на несколько десятков лет моложе.

Морвенна хорошо помнила то утро. Она была ещё бледной девчушкой, когда её поманили длинным костлявым пальцем и прошептали:

«Девочка моя, возьми это».

В руках бабки сверкнула маленькая склянка. Зелёная жидкость внутри волнительно булькнула и успокоилась.

«Это душистая вода?» – любопытствовала черноволосая девчонка.

«Кхе-кхе, – бабка зашлась сдавленным смехом, – это больше, чем просто вода, моя милая. Храни это, как самое дорогое, и не открывай без надобности».

«Как же мне узнать, когда эта надобность наступит?»

«Узнаешь. Когда тучи заволокут солнце, когда все отвернутся от тебя и повернут против тебя лишь копья да стрелы, тогда и открой. Да будь осторожна. Смешай его с обратным зельем, напои кровью да тогда и отпусти. И смотри, ничего не бойся. Душить будет, а ты терпи. Слепить будет, а ты на ощупь. Руки отнимутся, а ты зубами ложку держи да зелье мешай. Если не дрогнешь, то будет тебе сила великая против врага твоего. Высосет эта тварь всю его жизнь, заберет все силы и вывернет на изнанку всю его душу».

Морвенна зачарованно внимала словам старой колдуньи.

Шли годы, а таинственный пузырек так и оставался не вскрытым. Несколько раз Морвенна чуть было не поддавалась искушению откупорить склянку, но разве сравнится несоленый бульон с затянутым тучами солнцем? Или туго зашнурованный корсет? Или туча кораблей соседа, показавшаяся из тумана и приближающаяся к разрозненным островкам? И с этими мыслями королева решительно выпрямилась.

Глава 6. Дом

деревня Ланимор, юг Нолфорта

Послеобеденное солнце клонилось к закату.

Две средних лет хозяйки – одна с корзиной, полной шишек, другая с ведром воды – встретились у ограды небольшого дома. Маленький цветник, разбитый прямо у входной двери, говорил о недурном вкусе его обитателей: пряная гвоздика тёмно-лиловых и бордовых оттенков умело сочеталась с нежным белым колокольчиком, а чуть дальше, под окнами, цвела голубым цветом ароматная лаванда. Прямо за домом раскинулся старый сад, где деревья уже клонились под тяжестью плодов к голой земле, и трава была полностью скошена, высушена и скручена в тугие снопы.

Громко заржала лошадь, запертая в стойле на заднем дворе, но никто не обратил на это внимания. Встретившие друг друга соседки увлеклись обсуждением рецепта настойки из шишек, а сад продолжал погружаться в сумрак и пьянить ароматами груш и яблок.

Для рыбацкой деревушки Ланимор, самой южной точки королевства Нолфорт, начинался очередной обычный вечер. Тихий и безмятежный, по-семейному уютный. В домах зажигались свечи, жарилась свежая, недавно выловленная и выпотрошенная рыба, тушились баклажаны с приправами, и разливалось по большим деревянным кружкам прохладное пиво. То здесь, то там вспыхивали один за другим фонари, висевшие у дверей каждого дома, освещали длинную улицу и создавали атмосферу тепла и спокойствия.

Смеркалось. Дом, у которого остановились посплетничать деревенские жительницы, не торопился присоединяться к другим в веренице себе подобных и зажигать фонари и свечи. В окнах было темно и пусто. Соседкам, видимо, надоело стоять в полумраке, и они, тепло распрощавшись, разошлись в разные стороны. И лишь лягушки остались громко квакать в глубоком овраге.

- Они ушли? – тихий шепот шёл со стороны ограды.
- Да, – ответили спустя мгновение, – можешь идти.
- Постой. Ещё минутку.
- Дален вот-вот придет.
- Я видел его у старосты Коногана. У нас ещё есть время.

Темноволосый юноша ласково провёл рукой по лицу стоявшей перед ним девушки. Он был невысокого роста, хорошо сложен и в меру симпатичен. Огрубевшая на руках кожа выдавала в нём простого работягу, как, впрочем, и одежда: простая, удобная, местами потёртая, но без дыр и заплат. Карие глаза смотрели грустно и влюблённо.

– Уже поздно, Гил, – озираясь по сторонам, пробормотала девушка, – нас чуть не заметили.

– Вот так нас точно не заметят! – с озорными нотками в голосе воскликнул юноша и, обхватив девушку за талию, увлёк за собой на землю.

Та только растерянно вскрикнула и тут же оказалась лежащей на куче соломы, смешанной с недавно скошенной травой.

– Они пахнут клевером, – страстно прошептал Гил, вдыхая запах распущенных волос.

Его поцелуи были горячими и нежными, а руки начали беспорядочно блуждать по стройному, словно точёному морской волной телу, затянутому в тонкое льняное платье бледно-лилового цвета. Длинные, слегка выющиеся русые волосы девушки разметались в разные стороны, а глаза закрылись от нахлынувшего наслаждения. Гил приподнялся и рывком стянул с себя рубашку, бросил рядом. Рукой провёл по тонкой девичьей талии, затем чуть выше и замер на

грудь, вздымающейся от волнения. Потянув на себя тонкую шнуровку платья, ослабил плотно прилегающую ткань и скользнул пальцами по плечу возлюбленной. Платье поползло вниз.

– Адель! – крик раздался со стороны дома.

Девушка рывком скинула с себя Ги́ла и подскочила. Тот кубарем скатился с мягкой соломенной подушки на жёсткую щетинистую траву и растерянно уставился в темноту.

– Это Дален, – в голосе девушки звенела паника.

Наполовину снятое платье еле-еле налезало обратно. Пальцы не слушались, шнуровка предательски путалась.

– Адель! – крик повторился.

– Скорей одевайся. – Кое-как закончив с платьем, девушка бросила Ги́лу его рубашку, и тот впопыхах стал засовывать руки в рукава. – Если он нас увидит, нам несдобровать.

– Может, я всё-таки поговорю с ним? Скажу, что мы любим друг друга и хотим жить вместе. Ведь это так? Зачем скрывать? – Ги́л заправил рубашку и затянул пояс.

– И что дальше? – Адель вытаскивала соломинки из волос. – Да он убьёт тебя раньше, чем ты откроешь рот. Лучше сиди тихо, как мышь. Услышишь, как я вошла в дом, – перепрыгнешь через ограду.

– Мне надоело притворяться, Адель. – Ги́л взял девушку за руку и развернул лицом к себе. – Ты любишь меня?

– Ги́л, сейчас не время, – взмолилась та. – Конечно, люблю. Больше жизни.

– То же самое ты говоришь Далену каждую ночь? Я не поверю, что вы с ним спите в разных комнатах.

– Мне пора. – Адель начинала нервничать.

Ги́л схватил девушку за руку, притянул к себе и жадно прижался теплыми губами к её губам. Но поцелую не суждено было затянуться – Адель оттолкнула настойчивого юношу, подхватила юбку платья и побежала к дому, в окна которого уже зажёгся свет.

Устройство дома ничем не отличалось от других ему подобных: две крохотные спальни, заодно служившие хранилищем немногочисленной одежды, рыбацкой утвари и прочих вещей, комната побольше, в которой одновременно готовили пищу и обедали, и погреб. Все помещения были тесными, а воздух в доме пропитался запахом летнего луга, исходившего от трав, связанных в тугие пучки и подвешенных под потолком. Скамейки и небольшой вытянутый стол были сделаны из дешёвого дерева. На стенах не было ничего, если не считать полок с глиняной посудой и связки сушёной рыбки, болтавшейся на крючке недалеко от окна.

Дален сидел за столом и барабанил по нему пальцами. Это был высокий, загорелый молодой человек, темноволосый и кареглазый, с шершавой кожей на руках, покрытых мозолями и засохшей морской солью. Одет по-деревенски просто: штаны и туника из грубой мешковатой ткани, сапоги на ногах. Перед ним на столе, на самой его середине, стояла глубокая миска, на дне которой лежало немного жемчужной крошки, видимо, ещё не сортированной, но Дален даже не смотрел ту сторону. Его глаза задумчиво уставились на стену, на которой абсолютно ничего не было.

Шум открывающейся входной двери нарушил склонявшую к размышлениям тишину. В комнату вошла Адель с корзинкой, полной цветов.

– Где ты была? – спросил Дален, поднялся из-за стола и подошел к окну.

– Срезала цветы на заднем дворе, – как ни в чём не бывало ответила Адель, ставя цветы в вазу.

– Там же уже темно, хоть глаз выколи, – с недоумением отметил Дален.

– Свои цветы я и в темноте разгляжу.

Адель воткнула последний колокольчик и отставила пустую корзинку в сторону.

– Вот так намного красивее.

– Мне показалось, или я видел Ги́ла во дворе?

– У тебя уже мания, – пожала плечами девушка. – Тебе везде кто-то мерещится.

– Главное, чтобы без повода, – тихо произнёс Дален и убрал из волос жены несколько соломинок.

Та не ответила, только сделала вид, что ничего не заметила, и отвернулась к шкафу с посудой, чтобы Дален не увидел, как засверкали её глаза. В воздухе повисло то неловкое молчание, когда у одного из собеседников ещё куча вопросов, но он не решается их задать, а второй не хочет отвечать ни на какие вопросы и потому делает вид, что обсуждаемая тема ему до смерти скучна.

Адель гремела посудой, расставляя глиняные тарелки на столе и все ещё пряча лицо от мужа. А тот опустил на стул и молча за ней наблюдал. Наконец, перевёл взгляд на входную дверь и внезапно подскочил.

– Черти морские, я совсем забыл!

Рывком стянул с себя грязные сапоги и бросил их в угол к входной двери. На ходу снимая впитавшую запах пота, моря и рыбьих кишок тунику, кинулся в другую комнату, где захлопал крышкой сундука, в котором хранилась единственная чистая одежда.

– Быстрее грей ужин и ставь ещё тарелки! У нас сегодня гости.

– Опять староста Коноган и его сварливая жена? – Адель развела огонь.

– Нет. Я и сам толком не знаю, кто это. Но староста просил его выслушать и сделать так, как он просит.

– Я тебя не слышу! – крикнула Адель. – У меня тут рыба жарится!

– Я говорю, какая-то шишка из Торренхолла будет! Важная! – повысил голос Дален.

Оправив на себе одежду, которая ранее никогда не надевалась и береглась для специальных случаев, он выскочил из комнаты, подбежал к окну, рядом с которым Адель переворачивала шкварчащую в масле рыбу, зачерпнул воды из ведра и протёр мокрыми руками лицо.

– Куда ты лезешь, – зашипела на него Адель. – Это же чтобы пить.

– Кто будет пить твою воду? – отмахнулся Дален и схватился за тряпку, чтобы стереть песочную пыль с сапог. – Принеси лучше пива из погреба.

Адель укоризненно покачала головой, но поняла, что спорить с мужем бесполезно.

– Что нужно господину из Торренхолла от нас? – спросила она.

– Говорю же, сам не знаю. Вот придет, всё и расскажет.

Раздался торопливый стук в дверь.

– Открыто! – крикнул Дален и принялся быстро натягивать наполовину начищенные сапоги.

Дверь грохнула, и на спину Далену запрыгнуло нечто совсем лёгкое, почти воздушное. Запрыгнуло, обвило шею руками и смачно впилося сухими и в трещинах губами в щёку. А пахло от этого нечто лесом, лошадьми и свежим ветром.

– Рики, – Дален чуть не задохнулся от радости, оборачиваясь.

– Как я скучала, – выпалила та, слезла на пол и уткнулась лицом в грудь брата.

– Рики, – только и смог повторить Дален, прижимая к себе сестру.

– Тебя выгнали? – встряла Адель, оторвавшись от жарки рыбы.

– Повысили! Смотри, какая лошадь у забора привязана. Тебе такая и не снилась. – Рики не нужно было тянуть за язык.

– Зачем мне лошадь, если у меня муж есть! – Пользуясь моментом, что Дален не видит, Адель показала Рики язык.

– И у меня скоро будет.

– Из грязной солдатни?

– Хватит, – Дален звучал устало.

Разнимать двух любимых женщин ему приходилось не раз и не первый год. По-хорошему, выдать бы Рики замуж, и тогда раздоры закончатся, но сестру брать никто не хотел и даже интереса к ней не проявлял.

– Это твоя лошадь? – Дален выглянул в окно.

На улице в свете восходящей луны топталась загнанная серая и жевала сено.

– Под кого пришлось лечь, чтобы получить такую? – не успокаивалась Адель, за что тут же получила недовольный взгляд от мужа.

– Под капитана, – буркнула Рики, решив выдать первое пришедшее в голову.

Стараясь не слушать дальнейшие речи Адель, которые сводились лишь к язвительным колкостям по поводу услышанного, Рики порылась в перекинутой через плечо сумке, выудила оттуда скрученный и запечатанный пергамент и протянула брату.

– Тебе.

Дален взял свиток, но открывать не спешил. Покрутил немного в руках, рассматривая, затем сломал печать и пробежал глазами по буквам, аккуратно и щепетильно выведенным. Пару раз удивлённо изогнул брови, потом даже усмехнулся, потом просто насупился и посе-
резнел.

– Кто такой Швидоу? – только и спросил он недовольно, закончив читать, и швырнул свиток на стол.

Ответить Рики не успела – в дверь опять постучали.

На пороге стоял молодой человек. Отличная выправка выдавала в нём военного, а покрой и стиль одежды говорил о принадлежности к верхам: сапоги из дорогой коричневой кожи, плотные песочного цвета штаны, длинная куртка и пояс, сделанные из той же кожи, что и обувь. И в завершение: позолоченная пряжка на поясе с двумя переплетенными буквами, по всей видимости, инициалами, и серебряный перстень с большим черным ониксом на среднем пальце левой руки – поистине реликвия королевского размаха. Обведя взглядом дом, молодой человек вымолвил:

– Гверн Нольвен. Я к вам от главы вашей деревни.

Дален выскочил навстречу гостю и протянул в приветствии руку.

– Вы и есть тот самый Дален? – любопытствовал гость.

– Да. Проходите. Адель и Рики. Мои жена и сестра.

Гверн, не торопясь, прошёл в ту комнату, где Адель уже ставила на стол большую чашу с дымящейся рыбой.

– Извините, у нас по-простому, – сказала она, протирая капнувший на стол жир. – Вы, наверно, к такому не привыкли.

– Я привык и не к такому, – спокойно ответил Гверн, расстёгивая верхние застёжки куртки, и опустился на пододвинутую для него скамейку. – Ваш староста направил меня к вам.

– Старик Коноган совсем обленился, – мягко улыбнулся Дален и сел напротив.

– Лучше бы он открыто заявил, что больше не у дел, – проворчала Адель, – и передал всё тебе. Народ не будет возражать. Ты уже давно разгребашь проблемы деревни вместо него.

– Придет и моё время. Рассказывайте, чем я могу помочь, – обратился Дален к гостю.

Гверн отхлебнул пива из большой деревянной кружки и начал.

– Лорд Стернс прислал меня сюда. Ему интересен остров, у берегов которого, как он полагает, можно найти очень редкую породу жемчуга. Я говорю о Вороньем острове.

– А, – воскликнул Дален, накладывая себе на тарелку кусок жареной рыбы, – знаю-знаю. Сам туда не плавал, но вот Рин... Он лучший в наших краях. Иногда кажется, что у парнишки жабры вместо лёгких.

– Вам лучше знать, – пожал плечами Гверн. – Милорд желает снарядить две большие лодки на остров, чтобы осмотреть его. Мы возьмем с собой ваших людей и моих лучников. Они придут уже завтра к вечеру.

– Что делать мне?

– Нужны ваши лучшие ныряльщики. Те, которые, как вы говорите, могут жить под водой.

– Понял.

– И ваши лодки.

– Проще было бы снарядить небольшой корабль, чем брать лодки у деревенских жителей.

На двух лодках в море может выйти несколько рыбаков сразу, а это, сами понимаете, большой улов. Наши жители кормят себя сами, а вы хотите лишить их возможности несколько дней добывать пропитание.

– Милорд не хочет привлекать к своей миссии много внимания. Лучше, если на остров отправится горстка людей под видом рыбаков. К тому же за ваши старания вы будете щедро вознаграждены.

Гверн отстегнул с пояса мешочек и положил его на стол.

– Десять больших монет золотом, – опередил Гверн вопрос, готовящийся слететь с губ молодого деревенского управляющего после того, как тот взял мешочек и взвесил его на ладони.

Сидевшая рядом с братом Рики поперхнулась и закашляла.

– Простите, – с трудом выдавила она, – наверно, кость от рыбы.

– Это очень большие деньги, – пробормотал Дален.

– Вы сами дали понять, что ваши лодки стоят дорого.

– Я не совсем это имел в виду.

– Неважно. Милорд готов заплатить за вашу помощь. Отказываться от такой щедрости было бы неразумно.

– Естественно, – произнёс Дален, ещё раз взвешивая мешочек с золотом. – Нашим жителям хватит этих денег, чтобы жить безбедно несколько месяцев.

– У нас не так много времени, – продолжал Гверн. – Вы должны завтра подготовить лодки и запастись пропитанием и пресной водой.

– Когда вы хотите выйти в море?

– Послезавтра с рассветом.

– Кроме моих ребят в лодках будут ещё и стражники. Сколько человек мне тогда взять?

– На две лодки хватит пятерых. У вас есть время решить, кто это будет.

– Да что тут решать, – пробормотал Дален. – Народу у нас не слишком много. Старики промышляют ловлей рыбы, а молодёжь – жемчугом. Выбирать особо не из кого. Боюсь, только пять и наберется вместе со мной, не больше.

Гверн одобрительно кивнул и встал из-за стола.

– А сейчас мне уже пора. Время позднее, и вставать завтра рано. Я хочу лично осмотреть все лодки, пока вы будете вести приготовления.

– Где вы заночуете? – поинтересовался Дален.

– У вашего старосты. Он был настолько любезен, что выделил мне место в амбаре.

– Амбар? – от неожиданности Дален выплюнул только что отпитое из кружки пиво. – Ну, уж нет. Адель, – позвал он жену, собирающую посуду со стола, – постели гостю на моей кровати.

– Позвольте, а вы?

– У меня есть замечательная медвежья шкура, – подмигнул Дален и потянулся за сушёной рыбкой. – Давно мечтал её испробовать.

Едва заметная улыбка тронула уголки губ Гверна.

– Что же, – выдохнул он и опять опустил за стол, – тогда, пожалуй, ещё пива.

Дален поддерживающе кивнул, выплюнул изо рта рыбью кость и разлил пива себе и гостю.

Дом за домом гасли фонари и свечи, пока не потухли все, и деревня не утонула в темноте ночи.

Староста Коноган уснул в ту ночь первым, так и не дождавшись господина из Торренхолла, с которым хотел посплетничать о предстоящем праздновании свадьбы лорда Стернса. Его жена и две дочери получили приглашение на это важное мероприятие и спешно готовились, подбирая наряды и ленты к шляпкам.

Спали крепко и в доме Далена: уставшая от дневных хлопот Адель, измотанная дорогой Рики, её брат, напившийся пива и теперь громко храпевший на своей кровати, и Гверн Нольвен, скромно уютившийся на толстой медвежьей шкуре, разложенной прямо у обеденного стола.

Ночь стояла тихая и жаркая. И где-то совсем далеко, едва видимый, начинал заниматься рассвет.

Полусонная Рики махнула рукой, но вредная муха не собиралась пугаться и улетать. Напротив, разбросанные по столу с вечера чешуйки сушеной рыбы представляли для неё лакомый кусок, и, насладившись ими вдоволь, она решила проверить, не осталось ли чего повкуснее в другой комнате.

Сладко потянувшись, Рики открыла глаза и села на кровати. Солнце за окном уже жарило так, что способно было запечь яичницу на песке. В доме было тихо и пусто. Рики спустила ноги с кровати, сунула их в старые стоптанные башмаки и встала.

Заварив в большой кружке немного липового цвета, девушка распахнула деревянные оконные створки и выглянула на улицу, где на удивление сегодня было довольно оживлённо.

Куча детворы сопровождала большую телегу, запряжённую старой кобылой. Кому-то посчастливилось запрыгнуть в повозку и сидеть теперь там, болтая ногами и напевая весёлую песню. Менее везучие бежали вслед по дороге, поднимая босыми ногами песочную пыль, и свистели. Рики пригляделась и увидела, что телега была загружена шестёркой тяжёлых бочек. Поманив к себе одного из мальчишек, она поинтересовалась, что внутри.

– Воду из родника набрали, – шустро ответил он, не сводя глаз с телеги, – на берег везем.

– А что на берегу? – полюбопытствовала девушка, сунув мальчишке в руку пряник.

– Лодки грузят. Все наши уже там. Даже сам староста пришел.

– И Коноган вылез? – хихикнула Рики.

– Ага, – шустрый мальчишка быстро проглотил пряник и протянул руку за добавкой. –

Пузо у него уже больше его самого.

Рики прыснула со смеха и дала мальчугану ещё лакомств.

– А Дален там?

– Да. С раннего утра. Он и ещё этот... важный! Идём с нами.

– Сейчас, – кивнула Рики и закрыла окно.

Быстро пригладив пряди волос, торчавшие в разные стороны пересушенной соломой, девушка выскочила на улицу и направилась вслед за телегой.

На берегу моря всю кипела работа. Две огромные весельно-парусные лодки качались на волнах и были привязаны толстыми канатами к тяжёлым, воткнутым глубоко в песок, бревнам. Раздетые по пояс деревенские мужики, обжигая ноги о раскалённый песок, таскали на лодки тяжёлые бочки с пресной водой. На фоне их загорелых и крепких упругих тел приехавший из Торренхолла Гверн смотрелся худошаво и бледно. Стоявшие поодаль местные девчонки смущённо хихикали, глядя на него, и перешептывались. Но он не обращал на них внимания и продолжал командовать погрузкой, лишь изредка вытирая тряпкой пот со лба.

– Зато он из Торренхолла, – фыркнула полная женщина, жена старосты Коногана, – а моей старшей дочери не помешает приближённый к лорду Стернсу жених.

Она подтолкнула вперёд краснощёкую робкую толстушку и указала пальцем на Гверна.

– Отнеси ему воды, Эйна. Он будет польщён твоим вниманием.

– Неудобно, – засмушалась та.

– Иди-иди, – настаивала мать. – Высокопоставленные холостяки на дороге не валяются.

К тому же мы скоро поедem в Торренхолл на празднование свадьбы лорда Стернса. Это будет отличный повод встретиться с ним ещё раз. А ты погоди! – женщина крепко схватила за руку проходившую мимо Рики. – С тебя взять нечего. Тощая и облезлая. В голодный год у кур бока и то больше.

– Я вообще-то к брату, – возмутилась девушка.

– Никуда твой брат не денется. Как заматывал бочки верёвками, так и будет ещё несколько часов мотать.

Сунув дочери в руки большую кружку с прохладной пресной водой, жена старосты суровым взглядом указала на изнемогающего от жары Гверна. Эйна не осмелилась возразить и понуро побрела в сторону лодок.

Погрузка шла полным ходом. Проснувшиеся с первыми лучами солнца Гверн и Дален первым делом взялись за осмотр лодок, каждая из которых насчитывала по шесть вёсел и парус. Глубокие и тяжелые, они легко могли выдержать с десятка человек и ещё столько же веса выловленной рыбы. Широкие скамьи были весьма удобны: под ними можно было без проблем спрятать рыболовные сети или бочки с уловом. Нос лодки плотно закрывался досками как навесом, под которыми обычно хранили запасы пропитания – выход в море всегда мог закончиться непредсказуемо, и еды и воды по обыкновению бралось больше, чем было нужно.

Оставив контроль за погрузкой на Рина, Дален прыгнул с лодки в море и, не спеша, позволяя горячему телу насладиться морской прохладой, направился к Гверну.

– У нас проблема! – крикнул он и, зачерпнув ладонями воду, брызнул себе на вспотевшую шею.

Гверн вопросительно посмотрел в его сторону.

– Неизвестно, сколько мы пробудем на острове. Вы ведь намереваетесь хорошенько там всё осмотреть. Значит, воды и еды придётся брать на порядок больше, чем планировали.

– Придётся уменьшить количество людей в лодках?

– Именно, – Дален кивнул, – так избежим перегрузки. Предлагаю взять на каждую лодку двоих моих ребят и шестерых ваших.

– Вы уже решили кого отправить?

– Да. На первой пойду я и Рин. На второй – Джои и Дени. Алекс уже не влезет, хоть и тощий.

– Должно хватить, – согласился Гверн.

– Тогда по рукам. Эйна, ты как раз кстати, – Дален прыгнул навстречу дочери старосты и выхватил у неё из рук кружку с водой. – Ты читаешь мои мысли.

Одним глотком он осушил половину кружки и протянул вторую половину Гверну.

– Пейте. А не то совсем сгорите на этом солнцепеке. А Эйна сбегает и принесёт нам ещё.

Обескураженной от напора Далена девушке ничего не оставалось, как послушно бежать за добавкой.

– Как быстро мы доберемся до острова? – поинтересовался Гверн, утолив жажду и смочив руки и грудь морской водой.

– Рин доходил за один световой день. Если выйдем рано поутру, то к ночи должны добраться. Эти лодки даже с грузом быстроходны. А если ещё и попутный ветер будет...

– Дален!

Молодой человек запнулся и повернулся на крик, доносившийся с берега. Голос принадлежал старосте Коногану, стоявшему поодаль от погрузочной процессии и активно размахивавшему руками, пытаясь привлечь к себе внимание своего молодого помощника.

Попросив Гверна подождать, Дален помчался к старосте, который уже протягивал ему навстречу руки. Это был пожилой грузный человек, одетый в плотные светлые ткани, не пропускающие солнечный свет и не показывающие изъяны старого тела. Полное, болезненно-бледного цвета лицо обливалось потом, который староста еле успевал вытирать большим серым платком. Маленькие глаза смотрели грустно и устало. Было понятно, что происшедшее на берегу нисколько не интересовало его, а скорее отягощало. По-отечески мягко обняв подбегавшего Далена за плечи, староста заговорил вполголоса:

– Мальчик мой, я, пожалуй, пойду прилягу. Солнце уже высоко, а мое сердце не выдержит более такой жары. Ты пригляди тут за всем, а к вечеру я и сам приду проверить.

– Ступайте, Коноган, – в голосе Далена зазвучала привычная, приятная слуху старосты уверенность, что всё будет как надо и без его вмешательства. – Лодки мы уже проверили, а за погрузкой присмотреть могу и я. Не беспокойтесь понапрасну. Вам нужно отдыхать.

– Но тогда я приду проводить вас на рассвете.

– Не утруждайте себя, – мягко настаивал молодой помощник. – Мы выйдем с первыми лучами солнца. Это обычный сплав. Не более.

– А как же тот влиятельный господин? – забеспокоился староста, покосившись на Гверна.

– Он не выразит недовольства, что глава деревни так мало оказывает ему чести?

– Он? – переспросил Дален. – Да, на мой взгляд, он даже не заметит вашего отсутствия. В том смысле, – Дален быстро осекся, понимая, что его слова могут быть истолкованы двояко, – что он настолько поглощён делом, что не обращает внимания ни на кого вокруг.

– Вот и хорошо, – с облегчением выдохнул староста. – Тогда пойду в дом, а ты зови, если вдруг что понадобится.

Дален согласно кивнул и проводил Коногана взглядом, пока тот не исчез за разросшимися жасминовыми кустами.

Шум на берегу и не думал угасать. Любопытных детей никак не могли загнать домой. Простые зеваки, пришедшие просто поглазеть, постепенно тоже подключились к погрузке. Работа находилась всем. Лишь стайка юных девушек, среди которых была и Рики, посмеивались над неуклюжими попытками толстушки Эйны привлечь к себе внимание Гверна, которому кто-то из деревенских жителей заботливо повязал горячую от солнечного пекла голову большим пёстрым куском ткани.

Не торопясь, Дален подошёл к сестре и встал за её спиной, продолжая наблюдать за ходом работ. Увидев помощника старосты, стайка девушек сразу разлетелась в разные стороны, а после собралась поодаль и продолжала сплетничать.

Солнце опускалось за горизонт, бросая на море свои последние оранжево-красные лучи. Волны мягко накатывались на берег и шелестели мелкой галькой. Огромные лодки тихо качались на волнах, накрытые плотными кусками парусины, защищавшими сложенные запасы пропитания от влажного морского воздуха.

Недалеко от лодок на большом бревне сидели двое мужчин, одетых в военные одежды с вышитым на них медведем – символом Торренхолла, и вполголоса беседовали друг с другом.

День заканчивался, и жизнь деревни замирала. Фонари постепенно гасли один за другим, пока не погас последний – у дома Далена.

– Я распорядился, чтобы охрана сменялась каждые два часа, – сказал Гверн, снимая сапоги и вытягивая ноги на кровати.

– Да что может случиться здесь в деревне? – зевнул Дален и потянулся, лежа на медвежьей шкуре на полу. – Здесь такая тишина и глушь, что муха незаметной не пролетит. Ничего с вашими лодками не делается.

– Два часа вахты не сыграют большой роли, – возразил Гверн. – И за лодками присмотрят, и выспаться до утра успеют.

– Ну как знаете, – Дален опять зевнул и закрыл глаза. – Надеюсь, в амбаре Коногана они выспятся.

– Это военные. О комфорте часто приходится забывать.

– Я бы не смог быть военным, – промычал Дален, уже погружаясь в сон.

– Я тоже так думал, – неожиданно произнёс Гверн и задул свечу.

Тёплая южная ночь вступила в свои владения. Одна за другой в небе загорались звёзды. Вокруг стояла такая тишина, что можно было услышать, как ночные крабы ползают по берегу и переворачивают морские раковины. Где-то далеко послышалось хриплое ржание загнанной лошади, затем голоса и громкий стук в дверь. Один. Второй. Дверь, скрипнув, отворилась, пропустила вошедших и закрылась, проглотив вместе с ними и нарушающий ночную тишину шум.

Рики ворочалась в своей кровати. Ей снились тараканы: огромные, рыжие, усатые. Они вылазили отовсюду: из глиняных горшков, из-под кровати, из погребца и даже из сундука со старыми тряпками. Их количество постоянно увеличивалось, пока не покрыло весь пол в комнате. От противного шелеста закладывало уши, как вдруг где-то вдалеке одиноко заскулил волк. Завыл пронзительно, навзрыд, будто взывал прийти к нему на помощь. От страха Рики проснулась.

Тяжело дыша, она долго лежала и смотрела в темноту. Но вокруг было тихо и спокойно: ни беспокойного ненавистного шелеста, ни жалобного поскуливания. Выдохнув, девушка встала, выпила воды и нырнула обратно под куцее одеяло. Попыталась прогнать непонятное волнение прочь и закрыла глаза. И в эту минуту в дверь громко постучали.

Рики тут же села на кровати и замерла. Стук повторился.

В комнате Далена зашумели, и зажегся тусклый свет. Послышались шаги.

Рики осторожно высунула голову в дверной проём и увидела, как полусонный брат со свечой в руке открывает входную дверь.

– Дален.

В дверях стоял сам староста Коноган с фонарём в правой руке и связкой ключей в левой. Запыхавшийся и взволнованный, он был на босу ногу и в ночном колпаке. Поверх нижнего белья был накинут длинный домашний халат в зелёную полоску.

– Дален, мальчик мой, скорее одевайся и иди за мной. И господина из Торренхолла разбуди. Дело крайне важное.

Старик еле дышал и с трудом выговаривал каждое слово. Наконец, передохнув, он добавил:

– Я буду ждать вас у ограды, объясню всё по дороге. Поторопись, мой мальчик. Скорее.

Дален только согласно кивал и уже затягивал поверх туники пояс. Одевшийся за минуту Гверн вышел на улицу и тихо беседовал с Коноганом. Пользуясь моментом, что на неё никто не обращает внимания, Рики накинула поверх ночной рубахи широкую тёмную накидку и незаметно выскользнула на улицу вслед за братом.

Глава 7. Перерождение

острова Берлау

В дверь тихонько постучали.

Рион покосился сторону стука, но и шага не сделал в направлении двери. Лишь зачерпнул ладонями успевшую остыть в корыте воду и плеснул себе на грудь. Потом на шею и, наконец, на лицо. Потянулся за полотенцем и обтёрся.

Негромкий стук повторился.

– Да входите же, – поморщился Рион и добавил. – Королевской особе не пристало топтаться у двери слуги.

– Как вы догадались, что это я?

Дверь легонько толкнули. На пороге стояла юная девушка, бледная лицом и худая. Чёрные волосы были распущены и волнами струились по плечам и спине, доходя почти до пояса. Такие же чёрные, словно болотная трясина, большие глаза смотрели грустно и безысходно, будто, хоть и пытались искать защиту, но всё же понимали, что, попав в логово льва, о перемирии просить нет смысла. Остается только ждать, когда тот проголодается и перегрызет тебе горло.

– Простите, вы не одеты.

Девушка бросила взгляд на Риона и тут же смутилась, и поспешила отвернуться.

– Не одет?

На лице лекаря не было и тени ответного смущения. Голый по пояс, он не спешил тянуться за туникой. Напротив, ему нравилось его тело: молодое и упругое, оно было без малейшего изъяна.

– Простите, это была моя ошибка.

Девушка не решалась смотреть в сторону полуобнаженного мужчины и попятилась обратно в тусклый коридор.

– Постойте, Ирис! – Лев вырвался из клетки: в один прыжок Рион оказался рядом с королевской внучкой, одной рукой схватил её за локоть, а другой – захлопнул дверь и задвинул засов. – Я знал, что рано или поздно вы придёте. Причина тому – решение королевы?

Ирис облизнула сухие губы и выдавила:

– Я говорила с ней, но не поверила. Поэтому и пришла объясниться с вами. Это не может быть правдой!

Рион обнял девушку за плечи и прижал к себе, но та лишь упёрлась холодными кулачками ему в гладкую грудь, пытаясь удержать дистанцию.

– Не думайте, что я в восторге от решения её величества, – голос лекаря обволакивал и туманил рассудок. – Я не люблю вас, Ирис, и вы это знаете. И вы меня не любите. Но её милости угодно, чтобы мы были с вами обвенчаны, а любить в браке совсем не обязательно.

– Но я – наследница трона. – Ирис вырвалась из объятий Риона и сейчас стояла напротив, взъерошенная и дикая. – Почему моё мнение никому не важно? Даже вам.

Лекарь устало улыбнулся, сделал шаг к девушке, взял её за руку и провёл пальцами по нежной коже ладони.

– Вы далеко не королева, Ирис. И тс-с. – Рион поспешил приложить палец к тоненьким девичьим губам, чтобы с них не слетели слова возмущения. – Вы скорее птенец, маленький воронёнок, который понял, что у него есть крылья, но не знает ещё, как ими пользоваться.

– Власть над Берлау будет в моих руках, – пробормотала Ирис и дёрнулась, но не тут-то было.

Рион хмыкнул.

– О какой власти вы говорите, если топчетесь у дверей подданных и спрашиваете разрешения войти? Вы опускаете взгляд, когда видите своего солдата обнаженным. Вы даже от прикосновений его дрожите, а ведь это он должен обливаться потом и желать вас.

– Как же мне поступить? – Ирис окончательно растерялась.

– Расправить крылья, стать той, кем вам положено быть по крови.

Рион говорил тихо и медленно, будто гипнотизировал, рассеянно блуждал пальцами по хрупкой ладони, а после коснулся шеи девушки, убрал мешающие чёрные пряди за спину и перешёл на плечо. Воздушная ткань покорно следовала за рукой. Рион припал тёплыми влажными губами к обнажённой и девственно чистой коже и от удовольствия прикрыл глаза.

– Что вы делаете?

Ирис стояла не шелохнувшись и боялась пошевелиться.

– Вселяю в вас уверенность и делаю из вас королеву, – без толики смущения в голосе промышал Рион, ослабляя тугую шнуровку платья. – Только не надо дёргаться подо мной, как трепетная лань. Иначе ваши же придворные вороны вас быстро заклюют.

Его поцелуи с каждым разом становились грубее и бесстыднее. Он уже не урывал – он требовал, смаковал и не отпускал, пока не попробовал на вкус каждый возбуждённый бугорок и не застонал от удовольствия, изливаясь в лишённое невинности девичье тело.

Небольшая комната, вся пропахшая травами и мазями, на некоторое время утонула в спёртом запахе потных тел, мужского семени и кислого вина, которым несло из откупоренной бутылки. Разлетевшись по углам, запах осел на каждой склянке и пучке трав, впитался в брошенную на пол одежду и пожелтевшие страницы аптекарских книг.

Свечи уже почти догорели, когда Рион оторвался от измождённого, но юного и уже только поэтому прекрасного, девичьего тела, и откинулся на мокрые подушки. Тяжело дыша, он закрыл глаза: веки, как и лоб, и волосы, были влажными и липкими. Укрытая простыней Ирис лежала рядом и задумчиво накручивала прядь волос на палец.

– Не считайся вы моим будущим мужем, я бы велела вас казнить, – вымолвила девушка, даже не взглянув в сторону Риона.

– И это правильно, – усмехнулся тот, вставая с кровати.

Вернулся быстро и протянул Ирис серебряный кубок, полный того самого кислого вина. Обдав лекаря презрительным взглядом, Ирис вино взяла, но не успела пригубить, как гранатовая жидкость заволновалась, хлестнула через край кубка и растеклась бордовой кляксой по простыне и девичьей груди.

– Даже не думайте.

Ирис резко вскинула руку и вытянула вперёд, останавливая Риона. Но это не помогло – убрать незамысловатое препятствие труда не составило, и молодой лекарь прильнул влажными губами к набухшим соскам, собирая языком терпкие капли.

– Вы утверждали, что не любите меня, – прошептала Ирис, когда похотливая страсть отступила, вино было допито, а простыня – натянута чуть ли не до подбородка.

– Я и сейчас это повторю, – довольно промышал Рион, вытянувшись на кровати и закрыв глаза. – По воле вашей бабки мы должны стать мужем и женой, но лгать вам о своих чувствах я не намерен. Я буду исполнять супружеский долг, буду рядом с вами и в горе, и в радости, но не просите меня любить вас. Моё сердце слишком старо для таких сентиментальных мелочей.

– Ваше сердце?! – воскликнула Ирис. – Сколько вам лет? Двадцать пять? Тридцать? Вы говорите, что не намерены мне врать, а сами сочиняете небылицы о старости.

– Не вам упрекать меня во лжи, милая девочка, – еле слышно прошептал Рион, но Ирис, увлечённая своими эмоциями, этих слов не расслышала.

– Не свяжи я себя обещанием выйти за вас замуж и не будь бабка так к вам благосклонна, вас уже давно бы волокла в темницу дворцовая стража. Вниз по лестнице, к голодным крысам и холодным прутьям.

– Что ж вы крыс не кормите? – ухмыльнулся Рион. – О самых низших слоях общества, прозябающих в подвалах и подворотнях, тоже надо заботится. Иначе дело может обернуться мятежом.

– Я нарочно прикажу с этого дня следить, чтобы крысы и корки заплесневевшей не получали! Чтобы, когда бабка умрёт, а вы мне опостылеете, они разодрали вас на части и сожрали живьём.

Рион приподнялся на локте и с любопытством посмотрел на Ирис.

– Вы злитесь на меня. Но ведь признайте, вам это нравится. Нравятся те правила, которые я установил. Нравится, что со мной можно не стесняться в выражениях и открыто заявлять, что я негодяй и вам противен. Мы сразу объявили друг другу, что кроме формальной физической близости между нами ничего больше быть не может. И вы получаете от этого удовольствие. Вы уже сейчас знаете, что будете искать утех среди угодных сердцу любовников, а я и слова против не скажу. Не буду взывать к венчальной клятве и не буду нудеть у вас над ухом, как это делал бы любой другой верный муж со взглядом преданной собаки. Ведь я прав?

Рион замолчал и выжидающе посмотрел на Ирис. В ответ та взвинулась.

– Вы думаете, что знаете всех и всё, но это не так, и я докажу вам обратное. Я скорее лягу в постель к самой смерти или прокаженному горбуну, но вы поймёте, что ни капли не смыслите в женщинах. Идите, ковыряйтесь в ваших вонючих настойках, препарируйте жаб и разделявайте червей – вот там вы гений. Вы не король, коим себя возомнили! Вы просто удачно подобрали ключ к моей бабке – одинокой и старой женщине. Думаете, вы непревзойденный любовник и обольститель? Ха! Книжный червь! Вот вы кто! Аптекарский книжный червь, пропахший змеиным ядом и гнилым болотом.

Ирис вскочила с кровати и схватила валявшееся на полу муслиновое платье. Её щеки алели ярче свёклы, а глаза блестели янтарём, словно извергся вулкан и лава ринулась сметать всё на своём пути и превращать в пепел. Развалившийся на постели Рион любовался этой красотой в гневе, потом поднял с пола шёлковую ленту и небрежно швырнул её в сторону Ирис.

– Вы забыли мишуру, проницательная вы моя. В следующий раз я лично приведу к вам вонючего горбуна и буду наслаждаться зрелищем и смотреть, как вы будете скакать на нём, а он орать и плевать желчью.

– Увидите, что я не сдамся, болван пиявочный!

Пальцы сбивались, разбираясь с завязками, а когда получилось, то Ирис оправила спутанные волосы и решительно направилась к выходу. Направилась и остановилась. Замерла на месте, развернувшись лицом к окну, в котором ничего, кроме тёмной ночи и полной луны, не было.

– Вы это видели? – испуганно прошептала она и сделала несколько шагов назад.

Рион рывком поднялся, обмотал вокруг бёдер полотенце и спешно шагнул к девушке. Положил руки ей на плечи и всмотрелся туда, куда указывала Ирис.

– Ничего не вижу, – пробормотал он, продолжая вглядываться в черноту ночи.

– Луна на миг раздвоилась, но теперь всё, как прежде.

Ирис поймала на себе недоуменный взгляд лекаря и вспылила:

– Не надо считать меня сумасшедшей. И вы, и бабка считаете меня наивной дурочкой. Вы теперь ещё и шлюхой. Но из ума я ещё не вышла.

– Значит, луна раздвоилась, – тихим вкрадчивым голосом повторил Рион, одну руку опуская на девичью талию, а другой блуждая по плотной ткани платья, стараясь нащупать через неё упругий сосок.

– Вам всё мало, – пролепетала Ирис, а сама почувствовала, как грудь набухла на вдохе.

Ей хотелось ещё. Её любовник был молод, красив и опытен. Его страсть была неподдельной, жар – неиссякаемым, и от неё самой он ничего не требовал: только во второй раз за ночь уступить его напору, не сопротивляться, когда платье вновь поползло на пол, и раздвинуть ноги, когда он пожелал в неё войти. Впрочем, она и сама уже была не против, закрыла глаза, впилась пальцами в мокрую простыню и громко стонала, ничуть не смущаясь быть услышанной стражниками или слугами. А слышно было не только им.

Морвенна поджала тонкие губы. Лишённые цвета, сухие, они смотрелись простой полоской на лице, нежели лепестками розы, как у её внучки. И не сказать, чтобы Ирис была красива. Нет. Но у неё имелся единственный козырь, с которым Морвенна была не в силах поспорить. Молодость. А где молодость, там и страсть, там и сила, и желание побеждать, и быть на вершине славы.

Кости Морвенны давно уже ныли на непогоду. Королева Берлау доживала свои последние дни. Как и король Нолфорта Риккард, мучившийся бессонницей и сердечной болезнью. Но Риккард готовил себе смену. Племянник, молодость которого, страсть и желание побеждать не оставляли ни у кого сомнений, уверенно шёл к своей славе, покоряя всех на своём пути.

Стоны, доносившиеся из комнаты Риона, затихли. Измождённая Ирис крепко спала, укрывшись тонкой простыней, а Рион сидел в углу, вытянув ноги, смотрел на спящую девушку и потягивал вино.

Тихо, что и муха не всколыхнется, Морвенна шла по коридору. Повернув в конце, оказалась в душной и полной пыли спальне своей прабабки и сделала несколько шагов к левой стене. Вскинув правую руку, обнажила запястье, украшенное несколькими тонкими серебряными браслетами, сняла с одного маленький ключик, одёрнула рукав платья обратно и раздвинула тяжёлые расписные ткани, на которых морской змей душил никому неизвестного героя. За полотном находилась небольшая дверь. Вставив ключ в замок, Морвенна открыла дверцу и нырнула внутрь.

Тихо, почти бесшумно ступая по старой винтовой лестнице, королева поднималась наверх. Она шла на ощупь – глаза никак не хотели привыкать к темноте. Некоторые ступеньки были сколоты, другие стёрты, но старую женщину это ничуть не пугало. Одной рукой приподняв платье, а другой держась на каменные выступы в стене, старуха шагала очень уверенно. Постепенно потолок в лестничном проходе становился всё ниже и ниже, и Морвенне пришлось согнуться чуть ли не в половину, чтобы продолжить свой путь. Наконец, впереди забрезжил слабый свет, какой бывает только от луны, из любопытства заглядывающей в окна. Всего несколько ступеней отделяло королеву от заветной цели. Пригнувшись ещё немного, Морвенна сделала несколько шагов и толкнула выросшую словно из-под земли деревянную дверцу. Та была незаперта и со скрипом открылась. Старуха пролезла в тесную комнату, скорее напоминавшую каморку бедняков, и распрямила спину.

Вокруг царила пыльная темнота, прорезаемая только полоской робкого лунного света. Тугая паутина, прочно державшая в своих сетях пару маленьких дохлых мушек, почти полностью затянула единственное небольшое окно, смотревшее на север. Недалёко от окна стоял криво сколоченный стол, заваленный несметным количеством банок, склянок, пузырьков и колб. Над столом были прикреплены две полки. На самой нижней находился большой стеклянный шар с отверстием вверху. Стекло наполовину запотело, наполовину заплесневело, и было трудно разглядеть, что находится внутри. Верхняя же полка провисала под тяжестью огромной стопки книг – старых, наполовину прогнивших и проеденных червями.

Подобрав подол платья, Морвенна осторожно, стараясь ненароком не раздавить ничего лежавшего и бегавшего по полу, подошла к столу. Провела рукой по двум свечам, воткнутым в стену, и те вспыхнули оранжевыми язычками пламени. Сдвинув все склянки в угол, королева нагнулась и достала огромный, покрытый копотью, чугунный чан, который тут же с грохотом водрузила в самый центр стола. В чане что-то всплеснуло, чавкнуло и тут же притихло.

Старуха стянула с верхней полки книгу песочного цвета, стряхнула с неё пыль и развернула посередине. Книга оказалась абсолютно пустой. Ни строчки, ни полуслова. Только старые, обветшалые страницы, обугленные по краям. Королева бережно провела рукой по открытым страницам – вслед за её пальцами на хрустящем пергаменте проступили слова. Казалось, невидимая рука выводит буквы на пожелтевших листах. Наконец, последнее слово блеснуло огненным светом и погасло, навсегда оставив свой отпечаток. Морвенна жадно вчитывалась в написанное, её глаза блестели от восторга.

Сняв со стены свечу, ведьма поднесла её к чану. В одно мгновение тот вспыхнул, и огненные змейки побежали по ободку, замыкаясь в круг. Морвенна закрыла глаза и забормотала в полголоса.

Выплывая из себя слова древнего заклинания, королева хватала то одну склянку, то другую и высыпала или выливала их содержимое внутрь чана. Огненное варево разбушевало не на шутку, но старая женщина как зачарованная продолжала зачитывать вслух написанное и мешать булькающее зелье.

– Теперь кровь.

Рука ведьмы нырнула в потайной карман у самого пояса платья и вытащила небольшой нож, зачехленный в крокодиловую кожу. Выдернув нож из чехла, Морвенна без малейшего замешательства скользнула острым лезвием по своей ладони. Кровь резвой струйкой полилась прямо в кипяток и утонула там среди несметных трав и настоек. Оторвав ленту от подола платья, королева наспех перебинтовала руку и спешно повернулась к бурлящему вареву, словно боялась, что то сейчас остынет.

– И последнее.

Ведьма аккуратно, боясь ненароком разбить, откупорила древний пузырек с зелёной жидкостью. Лёгкий дымок выпорхнул из горлышка склянки и расплылся по каморке.

Непонятно откуда подул холодный ветер. Сначала слабый, потом сильнее. В первые минуты просто прохладный, а затем леденящий кровь, словно за окном была зимняя стужа, а не жаркое лето. И хотя кровь в жилах старой королевы была не теплее, Морвенна поёжилась. Зеленоватая жидкость беспокойно забулькала в пузырьке. Чем сильнее она волновалась, тем хуже становилось старухе. В глазах помутнело. Воздух стал удушающим и предательски сдавил горло, не давая ни дышать, ни говорить.

Морвенна пошатнулась, задела рукой несколько колб, смахнула их на пол. Стекло разбилось, и на полу образовалась каша грязного белого цвета. Королева сделала шаг назад и упала. Ноги не держали её, лицо посерело, а губы побледнели. Задышавшись, ведьма молитвенно вскинула руки вверх, будто просила о пощаде, и попыталась подняться, но невидимая сила тут же потянула её обратно.

Стиснув зубы, Морвенна нащупала край стола и ухватила за него. Приподнявшись на одно колено, водила рукой по столу, пытаясь найти огненный чан. Наконец, пальцы обдало знакомым жаром. Преодолевая неведомую силу, ведьма дотянулась до чана и швырнула в него прабабкин пузырёк. Громко чавкая, варево проглотило склянку с зельем, прыснуло искорками пламени в последний раз и успокоилось.

Холодный ветер вновь закружил по чердаку и резко стих. В комнату возвращалось летнее тепло, а на мертвецки бледном лице Морвенны заиграл едва уловимый румянец.

Огонь в чане потух, и только лёгкий зеленоватый дымок в виде пернатого змея поднимался из самого центра колдовского зелья и, словно маятник, качался из стороны в сторону, будто вопрошал, что ему делать дальше.

Открыв глаза, королева медленно поднялась с пола. Силы возвращались к ней.

– Вороний остров, – скомандовала Морвенна и подошла к окну.

Безжалостно сорвав липкую паутину, она распахнула оконные створки.

Пернатый змей послушно расправил крылья и, проскользнув в узкий проём, растворился в ночном небе.

– Ловушка готова, мой дорогой Гай. И ты попадёшь в неё легко и просто. Мне даже ничего не придется больше делать. Сам прилетишь, как бабочка на огонь. Поделом тебе и всем Стернсам! – смакуя каждое слово, произнесла вслух колдунья и провела по вспотевшему от жаркого огня лицу рукой, замотанной в атласную ленту.

Глава 8. Неспящие

Гверн преклонил колено и приветственно вымолвил:

– Милорд.

Стоявший у окна Гайлард медленно развернулся и ответил лёгким кивком.

– Мы не ждали вас, – продолжил Гверн и невпопад добавил, – так поздно.

Гай удивленно изогнул брови.

– Куда уж позднее? Через пару часов рассвет.

Гверн закусил нижнюю губу, чтобы не выдать ещё одну глупость, и осмотрелся.

В небольшой, заставленной безвкусной мебелью, комнате в эту ночь было многолюдно. Чуть поодаль от лорда Стернса стояли уставшие и с трудом отгоняющие от себя сон Стенден и Дагорм. Позади Гверна – наспех и совсем неподобающим образом одетый Дален. И совсем у дверей – староста Коноган, так и не снявший проеденный молью ночной колпак.

Комнату скромно освещало несколько свечей, вставленных в подсвечники из латуни. Всюду, будь то полка над чайным столиком или просто декоративный выступ в стене, торчали ярко раскрашенные безделушки, купленные на выходных ярмарках во время выездов всей семьи в Торренхолл. Над камином висело пять картин, на скорую руку намалёванных на продажу уличными художниками. На противоположной стене – ещё столько же тех же авторов. Размашистая мазня на одном из сомнительных шедевров напоминала нечто, смутно похожее на букет полевых цветов. Второй и третий претендовали на звание натюрмортов и содержали стандартный для такого вида искусства набор фруктов: груши, яблоки, виноград. Четвёртый и пятый были портретами дочерей старосты, красота которых в жизни сильно отличалась от красоты на холсте. Причём, не в лучшую сторону. Но на картины уже давно никто не смотрел. Тем более не рассматривал их ночью при тусклом свете свечей. А если присмотреться, то можно было найти много занимательных вещей.

Внимательный зритель уловил бы, что нос на портрете младшей дочери замазан непонятной смесью бежевой краски и картофельной кашицы. Видимо, с той целью, чтобы казаться менее длинным, чем он был на самом деле. Или что на портрете старшей дочери в её левом глазу была аккуратным образом проделана дырка. Совсем скромная, чтобы её можно было не заметить, и достаточно удобная, чтобы наблюдать через стену. Другим концом дыра уходила в спальню Эйны, где прикрывалась большим художественным полотном, сотканным мастерами с той же ярмарки и изображающим ленивое пробуждение русалки.

В эту ночь полотно было отодвинуто, и у стены, прилипнув одним глазом к дыре, стояла Эйна. Затаив дыхание, она наблюдала за собравшимися. Голые ноги, торчавшие из-под короткой ночной туники, больше напоминавшей мешок из-под муки, порядком замёрзли, поэтому девушка пододвинула к себе большой кованый сундук, в котором хранила выходные платья, и, забравшись на него подальше от холода, гулявшего по полу, продолжала подслушивать разговор.

В окно тихонько поскреблись. Эйна вздрогнула, огляделась, быстренько опустила полотно на место и раздвинула занавески.

– Ты? – выдохнула она, увидев в окне лицо Рики. – Тебе-то что нужно?

– Да помоги скорей! – сопя и пыхтя, ворчала та.

Эйна схватила девушку за руки и потянула на себя. Со всей силы оттолкнувшись ногами от бревна, служившего в качестве опоры, Рики залетела в окно и со всего размаху шлёпнулась на выходную шляпку подруги, которую та приготовила к поездке в Торренхолл. Кремовые розочки и мелкие фиалки хрустнули и сжались. Но Рики вместо извинений набросилась на Эйну с расспросами.

– Ну, что там? Твой отец прибежал к нам среди ночи сам не свой.

Эйна тоже меньше всего сейчас волновалась об испорченной шляпке. Вскрабавшись обратно на сундук, она тихонько отодвинула полотно с русалкой и поманила к себе сестру Далена.

– Иди сюда. Сама увидишь.

По очереди прилипая глазами к дыре, девушки следили за происходящим.

– Ничего не понимаю. Кто эти люди? – спросила Рики после недолгого наблюдения.

– Ты что? – с недоумением выдохнула дочь старосты. – Такое ощущение, что ты приехала не из Торренхолла, а из болотной, безлюдной глуши. У окна – лорд Стернс.

– Не может быть! – ахнула Рики, не решившись признаться подруге, что за всё время, проведённое в Торренхолле, кроме усов Швидоу, тряпок с щётками и внушительного ряда вонючих сапог с засохшей глиной, никого и ничего не видела.

– Да, – важно продолжила Эйна, – а те двое поодаль – тот, что в чёрном, и тот в сером – его советники. Я не запомнила их имён, когда они говорили.

– Зачем лорд Стернс приехал в Ланимор? Да ещё ночью?

– Я сама толком не разобралась. До сих пор он только расспрашивал молодого господина Нольвена о подготовке лодок. Если ты помолчишь немного, то, возможно, мы услышим что-то интересное.

Рики поняла брошенный в свой адрес упрёк и тут же притихла, опять прильнув глазом к дыре и изучая высокопоставленных гостей. Быстро скользнула взглядом по Дагорму: его серое, больше похожее на балахон, бесформенное одеяние не произвело на девушку никакого впечатления. Крючковатый нос и дрожащая рука даже отпугнули, и Рики поспешила заняться разглядыванием стоявшего по левую руку от старца Феррана Стендена. Строгий взгляд, чёткие контуры лица, такая же строгая в линиях чёрная одежда, без украшений и излишеств; руки, затянуты в перчатки, которые он даже не соизволил снять, войдя в дом. Вид у него был равнодушный и скупающий, даже сонный.

– Вы, конечно, удивились моему неожиданному приезду.

Глубокий, низкий голос принадлежал лорду Стернсу. Рики перевела взгляд с командира Стендена на хозяина Торренхолла и жадно всмотрелась в каждую деталь его одежд. Неброские на первый взгляд, они были изготовлены из самой лучшей ткани и искусно украшены. Снятые с рук кожаные перчатки, крепко прошитые толстыми нитями, лежали на краю обеденного стола. Поверх них – короткий меч в позолоченных ножнах и с рукоятью из сплава золота и серебра.

– Скорее времени вашего приезда, милорд, – ответил Гверн.

– Лорд Стернс волновался, что мы можем не успеть к отплытию, – объяснил Дагорм. – Пришлось загнать лошадей, чтобы поспеть ко времени рассвета.

– Вам не стоило так переживать. У нас всё готово: и лодки, и люди.

Гайлард прошёл от окна к столу, опустился на стул с потёртой голубой обивкой и промолвил:

– Я не сомневаюсь в исполнительности моих подданных, Гверн. Я просто решил, что будет лучше, если мы составим вам компанию на остров.

– Ферран и Дагорм отправятся со мной? – изумился молодой человек.

Стернс кивнул.

– Почти. Ферран и я. Ты ведь не возражаешь, Гверн? – Заметив, как стушевался молодой помощник, тут же ободряюще рассмеялся. – Ну-ну, Гверн, у тебя лицо, будто ты жабу проглотил.

– Милорд, простите, но... как бы сказать? – Гверн разволновался и бросил умоляющий взгляд на Далена в надежде, что тот подарит ему спасение.

– Наши лодки заполнены под завязку, милорд. – Дален принял удар на себя. – Мы и так сократили количество людей, чтобы...

– Так сократите ещё, – раздраженно перебил Гай. – По-вашему, я не спал полночи и загнал своего лучшего скакуна для того, чтобы считать, сколько людей вы собираетесь посадить в лодки?

– Мы можем убрать кого-то из охраны, – предложил Дален.

Гверн согласно кивнул.

– Это единственный вариант. Я оставлю на берегу людей из последней смены. Они меньше всего отдыхали, значит, будут менее всего полезны нам.

– Отлично.

Стернс хлопнул рукой по столу, давая понять, что всё решено и все могут расходиться.

Дален и Гверн вышли первыми; за ними – Ферран. Обменявшись парой фраз о последних новостях Торренхолла, Ферран и Гверн скрылись в амбаре, где крепко спали стражники, умевшие ценить каждую минуту отдыха и не тратить её понапрасну.

Далену не спалось. Холодный ночной воздух пробирал до дрожи – Дален передёрнулся и обхватил себя руками, растирая плечи, чтобы согреться. Глубоко вдохнул и выдохнул, и вскоре почувствовал, как кровь горячими змейками побежала по рукам и ногам, даруя им долгожданное тепло.

До берега было рукой подать. Упав на холодный песок, Дален зарылся в него пальцами и усталился на чёрно-фиолетовое небо. Вся его жизнь, сколько он себя помнил, прошла здесь, на берегу этого моря, среди этих людей. Каждый день одно и то же: в детстве помощь отцу с разбором рыболовных снастей, в юности – прыжки на спор в море. Кто дольше продержится без воздуха, кто найдёт крупнее жемчужину, тот и победитель. А победителю доставался символический приз из кучи оборванных веток и слава на всю округу.

Сейчас пыл поугас. Охота за жемчугом перешла в более молодые руки шестнадцати-, семнадцатилетних пареньков, среди которых были Гил и Рин, а Дален погряз в однообразных буднях, когда снаряжалась лодка рыбаков этак на пять и выходила в море на промысел. Кидались сети, тратилась наживка, а вечером выловленная рыба раздавалась всем жителям деревни, и через час из каждого дома доносился сладковатый запах рыбьего жира вперемишку с запахом хмеля.

Ни он, ни Адель, ни даже Рики до этого лета никогда не покидали пределов родной деревни. И эта фиолетовая ночь вдруг окутала Далена невыразимой тоской. Как будто перед ним прокрутили все прожитые дни: от рассвета его жизни, который он уже слабо помнил, до заката, который ещё предстояло пережить. И рассвет, и непрожитый закат предстали серыми и унылыми, пропитанными солёной морской водой и запахом рыбьих потрохов. День сменяет день, и ничего не происходит. Разве только Рики рано или поздно выйдет замуж за одного из тех, с кем Дален вечерами пьёт пиво. Хотя... эта дикая кошка ещё долго не найдёт себе никого. Будет брыкаться и царапаться до последнего. Разве только силком выдать её замуж за первого подвернувшегося. Ведь надо же, чего удумала! Сбежать без спроса в Торренхолл, мотаться там при солдатке столько недель! Её счастье, что попала в заботливые руки... В памяти Далена всплыло недавно полученное письмо. Слегка прищурившись, он всмотрелся в черноту неба, будто пытался разглядеть там ответ на свой вопрос, и снова поёжился. Нет, он безусловно хотел для Рики самого лучшего, но всё и так неплохо складывалось и без его вмешательства. Оставалось признать, что судьба благосклонна к его сестре, как бы он ни противился её капризам и выходкам. И хотя он сам уже давно перестал причислять себя к числу страстных и пылких романтиков, которые одержимо бросаются в самую пучину моря ради славы и робкого девичьего поцелуя, но прочитанное послание ничуть не злило его, тем более не будило братскую ревность. Из Рики должна... должна же когда-нибудь... получиться хорошая жена, полная заботы о муже и детях, о домашнем очаге. Как и из него уже давно получился примерный муж, любящий, заботливый и терпеливый. Главное, чтобы ничего не вторгло в размеренные будни, ничего не крутануло жизнь, не оборвало нити, сотканые за двадцать с лишним лет.

Дален приподнялся на локте и посмотрел в сторону деревенских дворигов. В доме Коногана ещё горел тусклый свет. Не спал староста, дрожащей рукой отсчитывая успокоительные капли на кружку воды. Не спали и на первом этаже, там, где ещё недавно былолюдно и вёлся разговор о предстоящем выходе в море.

В дверь комнаты протиснулась госпожа Коноган с облупленным подносом в руках.

– Лорд Стернс, – с трепетом в голосе обратилась она к Гайларду, – всё, как вы просили: тёплое полотенце и чашка чечевичного бульона. Я могу чем-то ещё служить вам?

– Благодарю, – любезно ответил Гай и по-хозяйски заботливо добавил: – Ступайте. Вы, должно быть, сильно устали за день.

Полная и взволнованная женщина учтиво поклонилась и поспешила из гостиной в спальню к своему супругу.

– Вы не передумали, милорд? – задал вопрос Дагорм, как только за женой старосты закрылась дверь.

– Передумал?

Расстегнув верхние пуговицы дублета и ослабив ворот, Гайлард расправил влажное полотенце и протёр им лицо и шею.

– Если ты о сплаве на остров, то нет. Если о моём намерении присоединиться к походу, то да. Частично.

– Простите? – недоумевал старик.

– Дагорм, не делай вид, что ничего не понимаешь. Ты сам дал мне совет не отправлять Гверна одного на остров. Разве не так?

Стернс отломил кусок кукурузного хлеба и зачерпнул деревянной ложкой горячий бульон из глубокой миски.

– Всё верно, милорд, – пробормотал старик, – но мой совет предполагал, что Гверну составит компанию кто-то из более опытных, чем он, командиров, но никак не вы лично. Одного Феррана было бы достаточно.

– Прекрасный бульон, – как бы невзначай заметил Гай. – Зря ты отказался, Дагорм. Это ещё раз подтверждает твою недалёковидность. Вот через пару часов выйдем в море, и там нас ждёт только сушёная рыба и холодная вода. Вкусной стряпни женушки Коногана там не подадут.

– Ещё раз прошу прощения, милорд, но сегодня вы говорите загадками.

– Ничего загадочного, – равнодушно пожал плечами Гайлард. – Просто вместо Феррана со мной на остров отправишься ты.

Обескураженный старик не находил слов. Наконец, он собрался с духом и задал вопрос:

– Что заставило вас изменить своё первоначальное решение?

Стернс доел бульон, вытер губы и с довольным видом откинулся на спинку стула.

– Ферран нужен мне на границе с Ллевингором, чтобы следить там за порядком. От этого хитрого лиса Итора можно всего ожидать. Даже в условиях перемирия. А вот тебе поездка может быть на пользу. А то сидишь у себя в камере днями и ночами, дышишь крысами.

– Я работаю над рецептами новых целебных микстур, милорд. Это занятие требует усидчивости и сосредоточенности.

– Вот и будешь искать на острове коренья для своих ядов, или что ты там варишь, пока мы будем заниматься делом, – зевнул Гай.

Дагорм покачал головой.

– Я уже стар для таких походов, милорд.

– Ты? Да ты нас всех переживешь, старый колдун.

– Но как же принцесса Мириан? – Дагорм предпринял последнюю попытку уговорить господина одуматься. – Она должна прибыть в Торренхолл со дня на день.

– Не нуди, – недовольно оборвал старика Гай и прикрыл глаза. – Лучше вздремни немного перед отплытием.

– Я уже давно мучаюсь бессонницей, милорд, – ответил тот. – С вашего позволения я лучше подышу морским воздухом.

– Иди, иди, только не жужи над ухом, – уже засыпая, пробормотал Стернс.

Дверь за стариком тихонько затворилась, впустив в комнату лишь вольный ночной бриз, покруживший вокруг стола и вылетевший через открытое окно на пустынную улицу. Времени до рассвета оставалось мало. Ещё несколько криков ночных птиц, и первые лучи солнца прорежут фиолетовый горизонт, окончательно вытеснив звёзды с неба.

Рики бежала по безлюдной улице. Перескакивала через большие камни, преграждавшие дорогу, ломилась сквозь колючие кусты с целью сократить себе путь. Сердце бешено колотилось, кровь прилиwała к лицу и румянила щёки. До дома оставалось рукой подать: обогнуть старый колодец, заросший сорной травой, а дальше всё по прямой и по прямой.

Тот самый колодец и впрямь был древним и заброшенным. Запасы воды иссякли в нём много лет назад, и, как ни старались деревенские жители вернуть колодцу прежнюю жизнь, пришлось копать новый. Этот же со временем зарос лопухом такого размера, что ничего видно не стало. А спустя некоторое время по деревне поползли страшные слухи: мол, повадился по ночам в тех местах околачиваться странный старик. Левой рукой взмахнёт – красивым юношей обернётся. Соблазнит деревенскую девственницу и за собой на колодезное дно утащит. Была ли та история выдумкой, или правда за ней стояла – никто не знал и проверять не отваживался.

Рики слышала о колодце. Странно было бы не слышать, если только им и пугали деревенских детей, чтобы отвадить тех играть там в прятки. Правда, детям призрачный соблазнитель преподносился в виде бородатого гнома с огромным мешком за спиной, но сути это не меняло.

В ярком свете звёзд колодец действительно выглядел жутковато. Прячась в огромной траве, он скрипел ржавой цепью и постукивал деревянным ведром, словно колотушкой. Даже ветер, гуляя в глубокой колодезной пустоте, уныло завывал и стремился вырваться на волю.

По спине Рики побежал неприятный холодок: это вой, доносившийся из колодца, вдруг усилился и даже приобрёл зловещие нотки. Остановившись, девушка прислушалась. Она хорошо знала, как лихачит ветер по побережью, как настойчиво стучит в окна дождливыми осенними днями и как резвится среди нежных колокольчиков, но такой мучительный стон девушка слышала впервые. Полный безысходной тоски, он окружил Рики и продолжал безумствовать и разрастаться. Подкрадываясь, сводил с ума. А потом и трава зашевелилась, будто готовилась выплунуть навстречу девушке монстра с клыками и глазами, полными огня. И внезапно всё стихло и замерло: ни воя, ни шелеста, ни чудища. Только Рики, одна среди тихой, по-утреннему застывшей природы, и фиолетовое небо над головой.

Девушка облегченно выдохнула и двинулась дальше. Простой кошмар – ночью и не такое причудится. Скорей бы домой попасть и чтобы раньше Далена. Увидит, что её нет в постели, – ссоры не избежать. А уж кого-кого, но старшего брата Рики хотела расстраивать меньше всего.

Ноги шлёпали по влажной траве, проваливаясь в маленькие холодные лужицы. Но злосчастный колодец было не миновать, коль уж Рики собиралась поспеть домой раньше брата. И, решившись окончательно и бесповоротно, девушка ринулась в травяные заросли и зашпешила вперёд, торопясь вернуться на протоптанную тропинку.

Чёрная тень промелькнула слева, а за спиной страшно заухали и снова завывли. Рики не рискнула оглядываться и засопела пуще прежнего, раздвигая руками острую осоку, кусающую и режущую ладони в кровь. Но непонятная тень продолжала её преследовать. Зажмурив глаза от страха, Рики сжала кулачки и бросилась вперёд, как вдруг запнулась о валун, выросший, словно айсберг, из травяного моря. Забарахталась, скорее вскакивая на ноги, но перед глазами была лишь чернота, и даже звёзд на небе видно не было. И только тогда Рики поняла, что головой оказалась в холщовом мешке, воняющем рыбьими потрохами и водорослями.

– Готово! – услышала Рики довольный голос, и сердце забилося ровнее.

То был не голос страшного старика-соблазнителя, о котором ходили пугающие до дрожи слухи, не голос гнома или прочего существа из легенд. То был голос Рина, деревенского паренька семнадцати лет, лучшего ныряльщика Ланимора и всех близлежащих деревень.

– Пусти меня, идиот!

Рики брыкнулась так сильно, что, ослабь Рин хватку, она легко пнула бы его ногой и вырвалась из нелепого плена. Но Рин был силен. Хотя по внешности совсем не скажешь: худощавый, невысокого роста, может быть, всего на голову выше самой Рики, лохматый и с небольшим шрамом на подбородке. Цепкий взгляд умело высматривал раковины, тщательно спрятанные на морском дне, а длинные тонкие пальцы ловко выковыривали из них жемчуг.

В воде Рин был подобен рыбам: дышал наравне с ними, искусно огибал коралловые островки и великолепно лавировал между зарослями ядовитых водорослей. Никто в деревне не решался соперничать с ним и прыгать в воду на спор. Море было царством Рина, где он чувствовал себя абсолютным и единственным властелином.

Но сейчас ни Рики, ни Рин в воде не были и уж тем более не были на глубине, и Рики изловчилась и впилась со всей силы зубами в руку паренька, которую тот не успел одёрнуть. От неожиданной и сильной боли Рин взвыл и треснул Рики по уху. Ну, или приблизительно по той части головы, где предполагалось быть уху. Мешок на секунду притих, а потом опять начал выкручиваться и сопротивляться.

– В шторм лодкой управлять проще, чем этой дикаркой. Тащите её, ребята. К Гилу. Все наши там.

Рики и опомниться не успела, как несколько сильных рук приподняли её в воздух и понесли.

В наскоро сколоченном сарае, заставленном рыболовными снастями, царили полумрак и духота. И хоть протолкнуться удавалось с трудом, но трое мальчишек сумели найти местечко, где соорудили стол из перевернутого дном вверх ведра, облепили его со всех сторон и резались в свете одинокой свечи в «ныряющий камень».* Всюду, куда нос ни поверни, воняло рыбой, а по деревянному настилу, никак не похожему на качественно выложенный пол, ползали черви, удачно выбравшиеся из глиняного горшка, упавшего и валявшегося на боку в тёмном углу. Когда в сарай ввалилось ещё трое с мешком впридачу, то стало уже совсем тесно. Ногой пошевелинешь – зацепишься штаниной за рыболовный крючок. А если ещё и рукой, то точно приятель рядом оплеуху получит. Причём, неумышленно.

Мешок с головы стянули одним рывком, и Рики поморщилась от тусклого света свечи, ударившего в привыкшие к темноте глаза.

– Ух, – выдохнул один из собравшихся, – это же сестра Далена. Её-то на кой сюда? Сдаст ведь!

– Сдам кого? – шурясь, выплонула девчонка. – Ваше сборище около вонючего ведра? Тоже мне, нашли из чего тайну делать.

Мальчишки загоготали, а кто-то даже фыркнул. Рин заткнул мешок за пояс, вытащил откуда-то из темноты тщательно упрятанную флягу и сделал жадный глоток. Рики повела носом. Настойка! Крепкая настойка из сосновых шишек с добавлением полыни.

– Тебе же завтра в море! – ахнула девушка. – Дален тебя убьёт!

– Не ссы, – икнул Рин, после того как маслянистая жидкость лавой растеклась по всему телу. – Я в воде, как рыба, а то и лучше. Я и пьяным жемчуг со дна морского достану. Будешь?

Он протянул флягу девушке. Та поморщилась.

– Гадкое пойло. Ещё один глоток, и я немедленно иду к брату и рассказываю ему всё.

– Говорил же, сдаст! – выпалил паренёк, возмущившийся ранее. – Зачем ты её сюда приволок?

– Зачем? – Рин хищно облизнул сладкие от настойки губы, обхватил Рики за талию и грубо дёрнул к себе. – Она мне задолжала. Верно, девочка?

Рики хотела отшатнуться, но не тут-то было.

– Ничего я тебе не должна, – жарко выкрикнула она. – Пospорили раз, так я своё выполнила! Хочешь, чтобы и отравы твоей глотнула, так смотри!

С этими словами Рики выхватила из рук Рина флягу, поднесла ко рту и отхлебнула. Внутри всё взорвалось тысячами брызг и невыносимо зажгло. В глазах резко помутнело. Рики качнулась и упала бы, если бы не Рин, крепко её державший.

– Вот же девка! – В голосе Рина звучало неподдельное восхищение. – Сказала, что не побоится к солдатне в Торренхолл пойти, и пошла. Сказала, что сосновки тяпнет, и вон её уже ведёт. Ты только мне скажи, ты в гарнизоне кем числишься? Девочкой для утех? А то мы тут с парнями гадаем...

– Дурак, – прохрипела Рики, приходя в себя от настойки. – Видел, какая у меня лошадь? Такую только отличившимся за службу дают. И брату я письмо от нашего капитана привезла, в котором говорится, что меня берут в гарнизон. И не куда-нибудь, а в личную охрану лорда Стернса, – и глазом не моргнув, соврала девушка.

– Про личную охрану ты не сочиняй, – ухмыльнулся Рин. – Где это видано, чтобы баб туда брали? И от кого они могут защитить? От мышей, что ли?

По сараю пошли противные смешки и фляга по рукам.

– Она и про письмо врёт. Выгнали, наверно, вот и вернулась обратно, – вставил загорелый паренёк, ростом с Рики. Его звали Дени, и по мастерству добычи жемчуга он дышал Рину в спину.

– Ага, – отозвалась Рики, – и лошадь капитанскую впридачу дали. Чтобы из Торренхолла увозила меня быстрее.

Лошадь – железный аргумент: крыть было нечем. Но Рин не унимался. Обжёг себе горло очередной порцией сосновки, сплюнул огнём, попав себе на сапог, и ехидно заметил:

– Ладно. Я согласен, что бабу в крепость взяли. Ну там, сапоги начищать или ещё для каких целей... За некоторые из них можно и лошадь вручить. Но чтобы к лорду в личную охрану...

Рики вспыхнула и, не ведая, зачем и что делает, выплеснула:

– Вот я тебе докажу!

– А докажи! – Рин как будто этого и ждал.

Рики прикусила язык, но было уже поздно.

– Кукурузу любишь? – внезапно спросил Рин.

Девушка кивнула.

– Тогда новый спор. Если нет тебя среди личных стражников милорда и ты всё наврала, то отведаешь мой кукурузный початок.

И, язвительно улыбаясь, Рин похлопал себя по выпирающим впереди штанам. Рики ненавидящим взглядом вперилась в его ухмыляющееся и наглое лицо и пождала сухие губы.

– А коль не вру?

– Так уж и быть, не буду сдавать тебя Далену и говорить, что в Торренхолл ты сбегала на спор.

– Ну и мерзавец ты, Рин.

Девушка стиснула кулачки и уже чуть было не ударила ими в грудь порядком опьяневшего от сосновки хама, но стоявший сзади Гил вдруг перехватил её руки, отвёл за спину и крепко стиснул. Рики дёрнулась, но тщетно. Попробовала дать тому каблуком по ноге, но Гил ловко увернулся, пнув при этом Дени.

– Пить будешь? – ядовито спросил Рин, болтая перед лицом девушки флягой с настойкой. Та покачала головой.

– А придётся, – равнодушно бросил Рин и разжал Рики губы. – Держи её, ребята, – пробормотал он, когда с непривычки и от большого количества выпитого девушка обмякла на руках у Гила. – Дени, раздевайся. Вот хохма сегодня будет!

– Эй, ты чего задумал? – буркнул парнишка, неохотно стягивая тунику.

– Снимай-снимай да поживее, скоро рассвет. Ты с ней одного роста – со спины вас не различить. Я вообще думал, через колодец это ты драпал. А тут такая удача. Сама страшенькая сестрица Далена!

– Мне моя одежда так-то нужна, – продолжал ворчать Дени, развязывая узел на штанах. – Утром в море в чём пойдёшь? Чешуи у меня нет.

– Да забей, – отмахнулся Рин. – Две лодки собрали, а делов на один день. В одной пойдут Алекс и Сетт. В другой – я и Дален. Четверых нас хватит, чтобы тот остров вдоль и поперёк облазить раз сто. Мы лучше вместо тебя эту дикарку под доски к бочкам положим. Вот ржачка будет, когда Дален обнаружит.

– А если она нас выдаст?

Рин презрительно фыркнул.

– Скажем, напилась и сама не помнила, что творила. Пусть Дален постыдится за свою сестрёнку. А если и впрямь рот раскроет, я ей про Торренхолл быстро напомним.

Дени широко улыбнулся и скинул с себя сапоги.

В лунном свете сновали тени. Мелькали то среди вытянувшегося папоротника, то среди зарослей камыша. Потом переместились к брёвнам и мелкими шажками поспешили к качавшимся на волнах лодках. Никто их появлению не предал особого значения, никто не остановил – один стражник клевал носом; второго рядом не было.

Рин махнул рукой, поторапливая Гила и Дени.

– Не могу быстрее, – огрызнулся последний. – Её штаны мне узки, вот-вот на заднице разойдутся.

– Тише там, – рыкнул Гил. – Этого разбудишь.

И кивнул в сторону дремавшего здоровяка.

– Обоим молчать, – прошипел Рин. – Затаскивайте её в лодку скорее и к бочкам под доски суйте. Нет, не так.

Плюнув в воду, паренёк подскочил к возившимся с Рики приятелям, отогнал их и развернул находящуюся в забытьи девушку лицом к бочкам.

– Со спины вылитый Дени, – радостно хмыкнул он и бросил приятелям: – Уходим. Скорее.

Все трое прыгнули в воду – раздался звук рвущейся ткани. Дени замер на месте, а Рин пригрозил ему кулаком. Но спящий стражник и не думал просыпаться, только мотнул головой, недовольно буркнул и дальше погрузился в сон.

Первые лучи солнца лениво поползли из-за горизонта, щупая воздух. С моря начинал дуть дневной бриз, полный запаха водорослей и морской соли. Колыхая расправленную парусину, он забирался под тонкую ткань туники Далена и щекотал ему спину. Потом метнулся к кучке мальчишек, босыми ногами зарывшимися в прохладный мелкий песок, и взлохматил шевелюру Алекса, ковырявшегося в зубах острой щепкой.

– Интересно, долго ещё стоять будем? – проворчал Алекс.

– А пёс их знает, – отозвался Рин. – Говорил я вам аккуратнее быть. Если прознают, что мы ночью около лодок шарились, огребём по полной.

– Да что произошло-то? – недоумевал Алекс.

– Ты, Дени и Сетт сегодня не в море. Этого достаточно?

– Ну, Дени понятно, почему. Главное, чтобы он успел среди кустов раствориться, не то Дален заметит подвох, – губы Алекса растянулись в ехидной улыбке, – а меня и Сетта за что?

Рин вытащил ноги из песка, обернул тряпками, сунул в сапоги и процедил:

– Как начало светать, мы пришли на берег. Явились, значит, и видим, как тот худой верзила, что вчера всем командовал, стоит в одной лодке и кричит Далену. В руке весло. И сам весь такой на взводе. Оказалось, одна лодка дала течь. Уже почти наполовину залита водой.

Алекс присвистнул.

– Клянусь, я не виноват! – воскликнул Дени. – У меня вчера штаны расплзлись. Это они трещали, а не дно лодки.

– Ты ещё им про штаны расскажи, – проворчал Рин, кивая в сторону собравшихся вокруг Гверна стражников, и продолжил: – Потом на берег ещё народ подтянулся. Такая паника поднялась. Шум, гам. Эти с луками вместе с тем вчерашним забегали и по струнке вытянулись. И перед во-о-он тем отчитывались один за другим. Потом Дален к нам подошёл и сказал, что откладывать сплав не будут, и в море выйдет только одна лодка, а, значит, лучшие из лучших. А оно и так понятно, кто здесь самый лучший, – хвастливо добавил Рин и обидно щёлкнул Алекса по носу.

– А что будет с испорченной лодкой? – потирая больное место, спросил Алекс.

– Что будет со второй лодкой, непонятно. Оно, конечно, дыру латать надо. Но это дело небыстрое. Плотнику работы много. О, гляньте, – Рин вытянул палец вперёд, указывая. – Вон тот длинный, перед которым тут все дрожали. Даже у нашего Далена коленки подкашивались.

С этими словами он громко гоготнул, а Алекс встрепенулся и повернул голову в ту сторону, куда указывал старший приятель. Там неспешным шагом от лодок к своим подданным шёл лорд Стернс.

Навстречу Гайларду поспешил Дагорм, а как поравнялся, отвёл того от собравшихся и задышал прямо в ухо:

– Вы всё ещё настаиваете, что Гверн – подходящий человек на должность вашего советника, милорд?

– Я не склонен обсуждать назначения в такой обстановке. Тем более поднимать шум из-за жалкой дыры в прохудившейся рыбацкой лодке, – пожал плечами Гайлард. – Рыбаки выходили на ней в море тысячи раз. Должна же она была когда-то дать течь.

– И это произошло именно тогда, когда лодками занялся Гверн. Не находите странным?

– Намекаешь на измену?

– Я всего лишь продолжаю придерживаться мнения, что молодой человек слишком юн, неопытен и в некой мере безответственен.

Стернс посмотрел в сторону лучников, обступивших своего командира со всех сторон, и крикнул:

– Гверн!

– Да, милорд! – Нольвен бросился к Гаю и упал перед ним на колени. – Клянусь, я все лодки лично смотрел и ничего не заметил, – бормотал он, оправдываясь.

Стоявший неподалеку Ферран еле заметно фыркнул и отвернулся, чтобы не видеть жалкого зрелища.

– Что ты этим хочешь сказать? – насупился Гайлард. – Что ты халатен и не углядел дыру, или что кто-то из близкого окружения специально вредит нам?

– Ни то, ни другое, милорд, – виновато склонил голову Гверн. – Я не понимаю, откуда взялась пробоина.

– Кто подходил к лодкам ночью кроме стражи?

– Никто. Даже стражникам я запретил их касаться.

– Тогда как ты объяснишь течь?

– Мне некого подозревать, милорд, – нервно сглотнув, выдавил Гверн. – Но если и винить кого-то в случившемся, то только меня.

– Тебе ещё повезло, что у меня сейчас нет времени выяснять подробности, – процедил сквозь зубы Гай. – Я и Дагорм выйдем в море на исправной лодке. Ты отправишься в королевский порт и снарядишь корабль на остров.

– Я молнией! – воскликнул юноша, вскакивая на ноги. – Вы даже не успеете там костёр развести, как я буду уже у берегов.

– Погоди, горячая голова. – Гай поманил к себе Стендена. – Вы отправитесь вместе. Разойдетесь у развилки, где трактир. Ферран, скажи в замок и приготовь всё для встречи принцессы Мириан. И забери Ашка.

– Он, вероятно, ещё слаб. Вы сильно загнали его ночью. Бедный конь был весь в мыле, – вставил Ферран.

Гай кивнул.

– Дай ему набраться сил, и отправляйтесь после полудня.

Стенден учтиво поклонился.

– Солнце скоро будет совсем высоко, – заметил подошедший к Стернсу Дален. – Если хотим успеть осмотреть остров до заката, нужно отправляться немедленно.

– Лучники в лодке? – сухо спросил Гай, даже не повернув голову в сторону молодого человека.

– Пятеро.

– А ныряльщики?

– Рин ещё топчется на берегу, но ему запрыгнуть в лодку – дело недолгое.

– Тогда отплываем. И вот ещё, – Стернс впервые внимательно посмотрел на молодого рыбака, – как твоё имя?

– Дален, милорд.

– Что ж, Дален, – Гайлард сделал небольшую паузу, – надеюсь, ты меня не разочаруешь.

– Сир, – Дагорм вклинился в разговор и вновь завёл старую тему, – отправляться на остров небезопасно. Одна лодка повреждена, и мы не знаем, случайность это или дело чьих-то рук. Не лучше ли отложить сплав?

– И потерять несколько дней? Я, кажется, чётко дал знать о своем решении. – Гайлард был недоволен. – Мы отправляемся прямо сейчас. Будь на острове какая опасность, деревенские мальчишки не повадились бы туда.

– Мальчишки мальчишками, – продолжал шамкать Дагорм, – а вам нужна должная охрана. Пятеро лучников это мало. Возьмите Феррана, пока не поздно.

– Это просто остров. В нескольких часах пути от этого берега. Остров, на котором ни души нет, а только жемчужные россыпи повсюду. Ты же предлагаешь отправить туда чуть ли ни все королевские войска, вооруженные до зубов. Оставь свои идеи до лучших времен.

– Каких, милорд? – недоумевал старик.

– Когда будем делать высадку на островах Берлау, – отрезал Стернс и направился в сторону качающейся на волнах лодки.

Продолжать спор было бессмысленно. И Дагорму оставалось лишь понуро плестись вслед за господином.

Лучники начинали расходиться. Последний из них ещё стоял перед Гверном, внимательно слушал и согласно кивал. Затем развернулся и присоединился к остальным, догнав их в несколько широких прыжков.

Как только лучники скрылись из виду, Ферран подскочил к Гверну. Схватил того за воротник, словно неопытного щенка за шкурку, потянул за собой в направлении дома старосты. На ходу натянул на руки перчатки, не переставая бормотать себе под нос. Сколько ни силился, Гверн не смог разобрать ни слова из тех бормотаний.

– К чему такая спешка? – крикнул он Стендену. – До полудня полно времени.

– Не будем мы ждать полудня, – отрезал Ферран. – Я не намерен торчать здесь у всех на виду и играть роль шута, развлекая Коногана рассказами о Торренхолле.

– А как же лошади? Лорд Стернс сказал, им нужен отдых.

– Только Ашку. Я и Дагорм меняли лошадей при трактире у развилки. Они полны сил. На них и отправимся.

– А Ашк?

– Оставлю его у Коногана и вернусь за ним через два дня.

– А...

На языке молодого человека вертелся ещё один вопрос, но негодующий крик Феррана заставил позабыть обо всём на свете.

– Черт возьми, Гверн, кто вы такой? Вопросы буду задавать я, а не вы!

Гверн плотно сомкнул губы и сглотнул. Всю оставшуюся дорогу оба молчали.

В доме старосты крепко спали. Перемалывали во сне события прошедшего дня и ночи и не просыпались ни на малейший шорох и тем более на ржание выводимых из стойла лошадей и стук копыт, удаляющийся от деревни в направлении леса.

*аналог современных «напёрстков»

Глава 9. Лес

Зелёный лес шумел.

Подпирающие небо древние буки широкими кронами заслоняли солнце, пропуская лишь самые настойчивые лучи. Те, соревнуясь друг с другом, спешили пробиться сквозь листву, чтобы согреть скучающую в живительно-прохладной тени землю. Один такой луч брызнул сквозь листья, надломился и ударил в паутину, крепко сплетенную между стволами деревьев. Внизу было тихо. Лишь вдалеке, под тяжестью медвежьей лапы, сухим треском отозвалась безжизненная коряга, а птица испуганно захлопала крыльями, вспорхнув с насиженного места.

Раздался шум. Из вороха листьев выскочила белка и, ловко перескакивая через вылезшие на поверхность спутанные корни деревьев, вскарабкалась на самое широкое и исчезла в его вышине. Солнце ещё раз стрельнуло слепящими лучами и скрылось за облаками. Лес погрузился в полумрак. Тянувшийся на много сотен миль, он был непролазен и дремуч.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.